

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир ПОСЕЛЯГИН

ДИТЁ КНЯЗЬ

Я не тиран, я ещё только учусь

Современный фантастический боевик (АСТ)

Владимир Поселягин

Дитё. Князь

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Дитё. Князь / В. Г. Поселягин — «АСТ», 2016 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

ISBN 978-5-17-095305-9

Средневековье. Время последних крестовых походов и жестоких и мудрых правителей. Однако наш герой в этой среде как рыба в воде. Взрываются дворцы, горят усадьбы, а над Балтикой летает аэростат с нарисованным на шаре веселым, улыбающимся бесшабашным пареньком, показывающим странный жест средним пальцем всем, кто его видит. Но это ещё не всё...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-095305-9

© Поселягин В. Г., 2016
© АСТ, 2016

Владимир Поселягин

Дитё: Князь

© Владимир Поселягин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Едва слышно скрипнула дверь нужника, выпуская здорового косматого мужика, который, полусонно потирая поясницу, поплелся в сторону привратницкой.

Когда он проходил мимо деревянного сарая, я взметнулся из-за угла и нанизал его на саблю. Аккуратно перехватив оседающее тело, затащил за сарай, где кучей лежали четыре собачьих туши. В соседнем дворе яростно загавкала собака, учуявшая наконец запах крови.

«И надо было этому уроду именно в три ночи посрать сходить!» – мысленно ругался я, прикрывая тело найденной тут же рогожей.

Огромный дом Глазова был передо мной. Охрана нейтрализована, пришлось повозиться с собаками – ну, этих я просто усыпил, кинув мясо с добавлением сильного снотворного. Вечером, когда гулял, заглянул в лавку иностранного аптекаря. Честно говоря, когда увидел выложенное на прилавке, волосы на затылке зашевелились. Какой только наркоты там не было! Аптекарь спас себе жизнь, честно говоря, не подозревая об этом, когда подобрал мне снотворное. Купил, что надо, подумав: «А лавку надо будет спалить вместе с хозяином».

В это время мужик под рогожей зашевелился. Оказалось, пока я волок его под мышки, успел вылечить.

«Иногда эта способность меня бесит», – проворчал я, всаживая длинный боевой нож в грудь мужика-зомби. Секунду подумав, отделил ещё и голову, вдруг эта сволочь опять оживёт.

В общем, свободно бегających собак я усыпил с помощью снотворного в мясе, а охрану, шесть здоровых лбов в небольшой воинской избушке, прирезал во сне. Никакого сочувствия я к ним не испытывал, и так понятно, что приблизил к себе он только верных людей. Перед тем как прикончить последнего, я его порасспрашивал, так что знал, как добраться до спальни Глазова.

Подойдя к двери с задней стороны дома, которой обычно пользовались слуги, я стилетом отодвинул щеколду и проник внутрь, не забыв закрыть и запереть за собой.

Дом спал, поэтому я старался тихо ступать и не скрипеть половицами. Не сказать, что это мне всегда удавалось, но на второй этаж я поднялся свободно, необнаруженным.

«Так, третья дверь справа от лестницы. Эта, что ли?»

Дверь была заперта изнутри – надо же, как боярин беспокоится о своей безопасности! М-да.

Возможности вскрыть не было, слишком плотно прилегала дверь, не давая возможности просунуть клинок. Пришлось воспользоваться запасным планом. Выйдя обратно во двор, я присмотрелся к дому, примерное расположение окон спальни я знал. И – о подарок! – одно было открыто.

По венцам сруба поднявшись до окна, одним движением скользнул внутрь, мягко упал на руки, спустив ноги с подоконника, и замер, прислушиваясь и осматриваясь.

Судя по храпу, хозяин дома спал в большой кровати с немалым количеством подушек. Встав на ноги и приблизившись, я заметил рядом маленькую девичью фигурку. Она могла мне помешать, поэтому я нанёс удар кулаком по виску, отправив девку в глубокий сон без сновидений.

Луна не давала в полной мере осмотреть моего недруга, поэтому, найдя подсвечник с тремя оплавленными наполовину свечами, почиркал кресалом и зажёл их с помощью трута.

От ударов камня по кремню хозяин проснулся и тут же дёрнулся к стоявшей рядом тумбочке... или комоду. Слишком высок он был для тумбочки.

– Это ищешь? – негромко спросил я, показывая пистолет с самодельным кремневым замком.

– Ты кто? – он пытался проморгаться и разглядеть меня. Приподнявшись на руках, сел, облокотившись о подушки.

– Как сказал один штатовский киногерой: «Я – враг твой!» Как говорится на Руси: кто с мечом к нам придёт, тот по оралу и получит. Что, урод, думал, ты тут один попаданец?

Дернувшийся после моих слов Глазов изумлённо прищурился, вглядываясь в моё лицо, освещаемое свечами, и неуверенно спросил:

– Артур? Александров?!

Я на секунду замер, потом мягко повернулся и приблизился к кровати, изучающе поглядев на мужчину.

– Нет, не знаком, – был мой вывод.

– Я... – начал было говорить тот, но я жестом заставил его замолчать. Тот мой тонкий намек понял.

Убрав острие кинжала от глаза Глазова, сел на стул рядом с кроватью и сказал, играя клинком:

– Не говори, сам угадаю. Попаданец из будущего – это раз. Меня знаешь – это два. Депутат Верховной Рады – это три. Кто из моих знакомых соответствует этому критерию?.. – издевался я над Глазовым. – Только один человек. В детстве в одном со мной доме, но в другом подъезде жила семья, причём достаточно хорошая советская семья. Дашко их фамилия. Украинцы по национальности и ни в коей мере не западенцы. Отец – крепкий мужик, мастер на заводе, мать портниха в ателье. Старший сын – инвалид войны, ногу потерял в Афгане. Второй сын пошёл в МВД, старший офицер уже... Да вот беда, был в семье и третий сын. Как в сказке.

Прочистив горло, я прочитал с пафосом:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Против неба – на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак...

– ...ну, дальше я не буду, и так понятно. Как говорится, в семье не без урода. Был у них и третий сын. Да вот беда, после развала Страны Советов, когда все Дашко переехали на ридну Украину, пошёл этот третий сын страной руководить. То есть в депутаты. Вот у меня и встает вопрос, ты ли это, Кощеюшка?

– Какой ещё Кощей? – удивился тот.

– Ой, прости, из образа не вышел. Жаба, ты ли это?! – спросил я.

– Не люблю, когда меня так называют, – скривился Глазов-Дашко.

– Значит, всё-таки ты, – констатировал я. – Только что-то на себя родного не похож. Что, чужое тело занял? Как помер-то, ушлёпок?

– Взорвали, – поморщился Глазов-Дашко. – Сам тут как оказался?

– О, это долгая и поучительная история, которую лучше рассказывать у камина и под бокалы глинтвейна. Так что тебе её не услышать. Скажи мне, Жаба, кто ещё, кроме посадника, о тебе знает?

– Как ты?.. – начал было Глазов, но осёкся. – Почему ты здесь? Что ты хочешь?

– Как говорил товарищ Мюллер, гася сигарету о глаз допрашиваемого: «Тут вопросы задаю я». Я не слышу ответ, Жабушка? Не нужно играть в Штирлица. Ты боишься боли, и я это знаю как никто другой. Сколько раз тебя пинал во дворе. Говори.

– Посадник, больше никто, – с ненавистью выдохнул Глазов.

Усмехнувшись, я сказал:

– Знаешь, Гриня, я до того привык при разговоре мысленно переводить язык собеседника на современный мне русский язык, что даже сейчас, когда мы с тобой говорим на старославянском, понимаю, что уже начал отвыкать от родного мне языка. Давай переходи на нормальный язык, всё-таки в русском объём слов больше для понимания.

– Хорошо, – продолжал исходить ядом Глазов, но уже на нормальном современном русском.

– Расскажи-ка ты мне, голубок, свои планы на будущее. О захвате земель Красновских я в курсе. Кстати, твоей дружины, что работала под татей, уже нет. В живых, я имею в виду. Так что? Молчишь? О, как глазами засверкал! Уже боюсь-боюсь. Ты что, голубок, решил устроить тут оранжевую революцию?

– Москаль проклятый! – зашипел Глазов. – И в будущем вы нам житья не даёте, и сейчас! Украина – независимая страна, мы устроим тут наши порядки! Вот когда я переберусь в Киев...

– Хайль Гитлер! – воскликнул я, вытянув руку вперёд. Глазов машинально повторил мой жест, потом с недоумением посмотрел на вытянутую руку. Что-то невнятно пробулькав, он попытался с кровати прыгнуть на меня.

Встретившись лицом с моей стопой, отлетел обратно, чуть не придавив своей тушкой бессознательную подружку.

– Ты, Гриня, ничуть не изменился, – вставая, сказал я. – А теперь давай пообщаемся серьёзно. Всё-таки Расскажи-ка ты мне все свои планы на будущее. Где бумаги хранишь и деньги, может, тогда я и отпущу... твои грехи.

– Вы, москаль, нас всегда ненавидели, – прохрипел тот, пытаясь перевернуться, пока я связывал ему руки за спиной.

– Ой ли? Понапридумывали, тоже мне. У меня, между прочим, среди украинцев множество друзей, только настоящих украинцев. Взять того же твоего брата Андрея. Постоянно с ним переписываемся в сети. Переписывались, вернее.

– Не говори мне про него, я и тогда, и сейчас ничего про него слышать не хочу!

– И про семью тоже? Твои родители старенькие, на куцей пенсии. Только почему-то помогают им старший брат с его инвалидностью, средний да несколько посторонних людей, включая меня. Я сам не шикую, но своей маме и твоим родителям деньгами помогал. Так что не тебе, мразь, о ненависти говорить. Таких, как ты, я люто не люблю и искореняю, как могу. Уж поверь мне... А теперь давай поговорим о серьёзном...

Гриша Дашко держался полторы секунды, пока я не начал его пытаться. Через полчаса я знал всё, что мне было нужно, поэтому не прощаясь чиркнул кинжалом ему по горлу, наблюдая, как тот дёргается на кровати, захлебываясь кровью.

– Кошке кошачья смерть. Я собак люблю, а вот кошек терпеть ненавижу, – пояснил я Дашко, но тот не дослушал, дёрнулся и замер навсегда.

Насвистывая, я двинулся было в сторону рабочего кабинета попаданца-депутата и замер на пороге. Секунду обдумывал пришедшую мысль и вернулся к кровати, приложив руки к ране. Буквально через секунду Глазов-Дашко дёрнулся и стал выхаркивать сгустки крови.

– Что это было? – прохрипел он.

– Да ничего, не обращай внимания.
– Ты же меня убил, – неверяще произнёс он.
– Тебе показалось... Я вот что спросить хотел. Ты знаешь, как я погиб?
– Конечно, об этом все москальские каналы трубили. Два дома было взорвано террористами. Твоя панельная девятиэтажка сложилась, как карточный домик. Брат отписал, Андрей, он на твои похороны ездил... Придурок.

– Хорошо, что сына тогда со мной не было, – вздохнул я.
– Чем больше вас, москалей, подохнет, тем лучше.
– Ну всё, вопросов больше нет, – сказал я, поднимаясь и снова чиркая Глазова-Дашко по шее. Не обращая внимания, как тот хрипит, умирая, направился к двери. Я уже открыл было дверь и вышел в коридор, но снова замер от пришедшей мне мысли. Потом обернулся и вернулся к кровати, склонившись над трупом-зомби.

– ...урод, чтоб тебя... – захрипел снова воскрешённый Дашко.
– Я тут спросить хотел. Постарайся ответить честно...
– Говори, падлюка. Ай!.. Сволочь, ты мне руку отрубил! – держась за обрубок, заорал Глазов.

– Тс-с-с, – приложил я палец к губам. – Не перебивай взрослых.
Подвывая, тот попытался завернуть культю в простыню. Судя по виду, он был на грани сумасшествия.

– Так вот, Гриня, ответь мне на такой вопрос, – сказал я, убирая саблю в ножны. – Почему ты сдал дружину Красновского? Мсть за дочь? Или тебя привлекла должность тысяцкого?

Неожиданно Глазов хрипло-истерично засмеялся:

– Дочь, как же! Эту утку с похищением и запоем я сам пустил. Дочка она была не моя, а этого тела, поэтому я сам её оприходовал, вкусной в постели оказалась, вот она слегка умом и тронулась. А тут случай представился от неё избавиться. Я от смеха умирал, видя, как воевода морально мучается, выполняя поручение московского царского человечка. Только через некоторое время эта сучка вернулась, правда, уже совсем не дружа с головой. Пришлось для виду её в монастырь отправить да прибить по дороге, некоторой информацией она владела.

– Ну, ты и мразь! – сказал я с чувством, покачав головой.
– Да пошёл ты! Что хочу, то и делаю. Да с вами по-другому и нельзя... рабские людишки. Только истинные... хр-р-рсс, – захрипел Глазов, когда я пережал ему трахею, на которой были видны два тонких белесых следа.

– Ладно, всё это на тебе, Гриня, ответь-ка мне на ещё один вопрос. Где посадник хранит казну? Только не говори, что ты не знаешь.

Второй попытки Грине не выдержать, он это прекрасно понимал, поэтому, шипя от ненависти, объяснил. Даже вспомнил, как видел, где посадник прячет важные бумаги, правда, произошло всё это случайно. После того как Гриня всё рассказал, я сидел на стуле разглядывая потолок ещё минуты три под напряженно-испуганным взглядом Дашко, но потом встряхнулся и отрицательно покачал головой:

– Нет, больше вопросов у меня нет.
– А-а-а!.. – только начал издавать крик Дашко, как его голова покатила по кровати и упала на натёртый воском пол, разбрызгивая кровь.

Сплюнув на пол, я проверил, как там девчонка, на всякий случай погрузил её в более глубокий сон и направился в соседнюю комнату, где был кабинет Дашко, пора собирать трофеи. Пистоль Грини я прихватить не забыл.

У этого гада Глазова, бывшего Дашко, было аж два кабинета. Один для официальных встреч на дому, он всё-таки был новгородским воеводой, ну и тайный, для личных встреч.

Сперва я тщательно обследовал, естественно, небольшой кабинет для тайных встреч, ключи у меня были, взял у покойного. Особо не рассматривая, что беру, охапками и кипами

складывал бумаги в мешок-наволочку. Влезло всё, хотя я думал, места не хватит. Много было у бывшего депутата в тайничках секретных бумаг. Этих тайников у него в кабинете было аж шесть штук. Всё осмотрел, всё забрал. Деньги тоже были, что уж тут говорить, взял два небольших мешочка с золотом из НЗ воеводы и шесть с серебром. Благо тащить далеко не надо, лазутчики меня ждали у ближайшего угла с телегой. Специально подогнали её с грузом тухлой рыбы, чтобы ночная стража особо не цеплялась. Правда, собаки вой подняли, но к данному моменту начали подуспокаиваться. Они часто гавкали, так что этому не удивлялись.

Утащив пухлую от бумаги наволочку к выходу, оставил её там вместе с деньгами, после чего побежал осматривать другой кабинет. Там денег было не так много, но зато я обогатился ещё тремя пистолетами, картами новгородских земель, списочным составом тысячи, что командовал Глазов, некоторыми приказами и несколькими другими ништяками, включая три подозрительных трубы. Коллекционировал он их, что ли? Были и другие вещи, но я их особо не рассматривал, всё в мешки, найденные тут же, пихал. Больше всего меня восхитила ручная пушка с кремневым замком. Я такую в фильме про пиратов видел, для усмирения бунтов предназначена. Только вот как стрелять? Приклад всю руку отсушит и плечо отобьёт. Наверное, она к боку локтем прижималась, после чего производился выстрел. Так меньше шансов покалечиться. Эту ручную пушку я тоже прихватил.

После второго захода я побежал с первым грузом к телеге. Сделав две ходки, велел вознице ехать сразу на постоялый двор. Я не идиот везти такой компромат на борт «Беды», завтра-послезавтра дальними тропами всё это будет у меня. А пока пусть побудет укрытым местным брезентом под охраной на ближайшем постоялом дворе. Благо они работали кругло-суточно.

Телега, тихо скрипя досками бортов, остальное всё было смазано дёгтем, укатила под охраной возницы и ещё одного лазутчика, а я с третьим лазутчиком направился к дому воеводы. Пора избавляться от улик. Дом требовалось сжечь, это даст мне больше времени, однако я вспомнил, что оставил в спальне Дашко девицу, вот за ней и вернулся, пока лазутчик таскал солому. Жечь её за просто так было не по мне. Я не Дашко. Она же мне ничего не сделала, пусть пока живёт, хотя это и претит моим принципам не оставлять свидетелей.

Небрежно бросив девку рядом с трупами охраны, я махнул рукой, приказав поджигать. Лазутчик рассмотрел в темноте мой взмах и зачиркал огнивом, высекая искры на трут. Одним махом я избавлялся от улик, а главное, от бумаг, что могли остаться в доме, а они вполне могли остаться.

Тревога поднялась, когда мы удалились от дома воеводы метров на триста, с этим тут было строго, город почти весь был деревянный, но тут нам повезло, ветра не было, именно поэтому мы и использовали огонь для заматывания следов.

– Где дом посадника? – спросил я у лазутчика.

– Следующий поворот, третий дом, командир, – так же тихо ответил тот.

– А-атлично, – обрадовался я. – Как раз мимо аптеки пройдем.

Я помнил собственное обещание спалить аптеку, тем более это может отвлечь дворовых посадника. Всех их вырезать, как в доме воеводы, я просто не смогу до рассвета, банально не успею из-за большого количества.

Лавка аптекаря была в богатом районе города, где жили служивые и бояре, поэтому он также имел два этажа и довольно красивый вид, ещё у аптекаря имелся двор, но он был позади лавки-дома. Сама аптека находилась на первом этаже, а владелец со своими родными жил на втором. Жизнь аптекаря и его родных в этом случае меня волновала крайне мало, сколько он русских людей отравил и «посадил на иглу», не поддаётся подсчёту, вот я и собирался посчитаться. А тут такой хороший повод.

Лазутчик стоял на стреме, а я проверил аптеку и двор на предмет охраны и собак. Как ни удивительно, ни того, ни другого не было. Вскрыв дверь лавки, я пальцами придержал леску

тревоги, видимо, идущей к колоколу, и, перерезав её, пощупал, мысленно выматерился и начал сматывать. У меня лески для удочек нет, а тут такую отличную шёлковую плетёную снасть как трос используют.

Закончив сматывать леску, я нашёл среди товара несколько банок с плохоньким бензином и стал поливать полки, после чего несколько раз чиркнул кресалом, отшатнулся от загнувшегося пламени, моментально охватившего прилавки, и выбежал на улицу. Спасётся аптекарь – его счастье, нет – его проблемы.

От аптеки мы бегом побежали в сторону подворья посадника, крича во всё горло:

– Пожар!.. Пожар!!!

Лазутчика я отослал, чтобы он присмотрел за ситуацией со стороны, а сам укрылся в тупике рядом с домом посадника. Во дворе у того поднялся шум, проснулась дворня и тут же с ведрами, деревянными баграми, окованными железом по краю лопатами и другими средствами пожаротушения бежала к аптеке, некоторые остались во дворе и стали поливать крыши дома и построек водой из колодца. В соседних домах занимались тем же.

Командовал седобородый дед с обширной лысиной, но он никак не мог быть посадником, словесный портрет которого я знал. Повиснув на руках, я рассматривал дом поверх забора, и когда на крыльцо вышел дородный мужчина с окладистой бородой, улыбнулся.

– Есть, – тихо шепнул я.

Всё, что надо, я выяснил. Посадник не руководит лично пожаротушением, значит, можно действовать. Одет я был как обычный отрок, сабли пришлось оставить у забора, так что на меня не обратили внимания, когда я быстрым шагом пересёк двор и прошёл к чёрному входу, которым обычно пользовалась дворня.

Народу в доме было не так много, но и те были ненужными свидетелями. Однако я благополучно миновал всех местных слуг и попал в хозяйскую половину. Идти пришлось с привычно согнутой спиной и опущенной головой.

– Куда? – перегородил мне путь статный воин, он стоял на лестнице, ведущей на второй этаж.

– Я дворовый холоп воеводы Глазова, с сообщением. Велели сказать лично, – вжав плечи, ответил я.

– Игорь, проводи гонца.

– Хорошо, – вставая с лавки, ответил другой воин. В небольшом тупичке их оказалось ещё двое. Ценит свою жизнь посадник, как я посмотрю.

Следом за воином я прошёл в хозяйские покои. Согласно рассказам Дашко, после лестницы третья дверь слева – личная опочивальня, а прямо – кабинет. Шли мы в кабинет, видимо, посадник находился там.

Постучавшись, воин приоткрыл дверь и сказал:

– Владимир Рюрикович, к вам гонец от воеводы.

– Пусть заходит, – услышал я из-за приоткрытой двери.

Обращение к посаднику меня удивило: местные понятия требовали обращаться к хозяевам по-другому. Боярин, например. Видимо, обращение по имени-отчеству – это новые веяния от Дашко, что тот внедрял в местную жизнь. Надеюсь, до крайних мер в этом деле он не дошёл.

– Проходи, – переадресовал воин. Однако, пропустив меня, сам не зашёл следом, а закрыл дверь и остался снаружи. Он не уходил – я слышал его дыхание, и не было шума удаляющихся шагов.

– Говори, – велел посадник.

Приблизившись быстрыми шагами в полупоклоне, я сообщил дрожащим голосом:

– Воевода велел передать вам, что он... умер, – тихо добавил я и нанёс удар в висок, вырубая посадника. Тот наклонился слегка вперёд, чтобы расслышать, что я говорю, это позволило мне перегнуться через стол и нанести удар. Я часто пользовался этим психологиче-

ским ходом при разговоре, чтобы противник был вынужден подаваться вперёд, вслушиваясь. Правда, он не всегда срабатывал.

Дальше я действовал на скорости. В кабинете всё произошло быстро и тихо, однако охранник мог мне помешать, поэтому требовалось заняться и им. Тихо подскочив к двери, я резко распахнул её и нанёс удар сбоку в шею воину, он стоял спиной, но как раз начал оборачиваться. Лезвие кинжала вошло до самой рукоятки, пробив кожу с другой стороны. Странно, что шейные позвонки не перебил.

Подхватив его под мышки, быстро занёс в кабинет и нанёс два добивающих удара, а то он уже начал хрипеть, я успел его подлечить, пока тащил.

После этого я запер дверь, связал и начал хлопать по лицу посадника, стараясь привести его в чувство. Касания лечебных ладоней почти сразу сказались.

– А?.. Што?.. – замотал тот головой.

– Что, головка бо-бо? – усмехнулся я, держа наготове кляп. Мало ли заорать захочет.

– Ты кто? – продолжая трясти головой, спросил посадник – видимо, я нанёс слишком сильный удар и выбил воспоминание о своём приходе.

– Что, уже не помните? Я от Глазова пришёл... или правильнее сказать – Дашко? – Теперь посадник слушал меня со всем вниманием, он, похоже, начал что-то понимать. – Он перед смертью попросил передать тебе привет. Вот, зашёл и передал.

Посадник продолжал сидеть в кресле за столом, не дёргаясь. Скосив взгляд на лежавшего воина, он на секунду задумался, после чего спросил:

– Ты тоже из будущего?

– Именно. Только я из правильных попаданцев, а не из подобных Глазову. Насиловать собственную дочь мне и в голову бы не пришло. Ладно, не будем тянуть кота за хвост, хотя очень хочется. Кто ещё знает о Глазове?

– Зачем тебе это?

– Хотелось бы знать. По словам Дашко, кроме вас двоих никто не знал о попаданце из будущего, всеми своими людьми вы манипулировали втёмную. Вот мне и хотелось бы знать, есть ли ещё знающие люди и тайники с бумагами? Говори. Или ты будешь играть в молчанку?

Посадник усмехнулся, он отнюдь не был дураком.

– Живым ты меня не оставишь, а так как ты меня убьёшь, то какой смысл рассказывать тебе что-либо, если я знаю свой конец?

– Конец бывает разный, – я запихнул в рот посадника кляп и стал ломать ему пальцы, не обращая внимания, как его корчит от боли. Даже спинка кресла, к которой он был привязан, затрещала от усилий. Терпеливо ждать, пока до посадника дойдёт, у меня не было времени, вот и пришлось пользоваться популярными в этих веках пытками.

Закончив с ними, я дал посаднику минуту отдышаться и вытащил кляп.

– Кричать не советую. Помощи не будет. Я всех охранников перебил. Так что, будем говорить? Покайся, смерть легче встретишь, клянусь.

Посадник заговорил. Возможно, именно клятва его и зацепила, но скрывать он ничего не стал. Я знаю, могу улавливать подобные моменты.

Двумя ударами кинжала добив посадника, я осмотрел тайники и собрал все бумаги и два мешочка с золотыми монетами в небольшую кожаную сумку-портфель. Причём по виду – советского образца портфель, видимо снова Дашко постарался, новатор долбаный. Было у посадника и серебро с золотом, и камень. Но все они находились в его личной казне, в соседнем помещении. Однако прикинув, я понял, что хватит рисковать, пора уходить. Достаточно на сегодня приключений.

Приоткрыв дверь, я выскользнул в коридор, закрыл дверь и, поставив на пол портфель, скользнул к лестнице, приготавливая метательные ножи. Мимо охраны мне спокойно не пройти.

Хватило четырёх ножей, чтобы уработать троих стражников. Сделав контроль и забрав из тел инструмент, я сбежал за портфелем и, вернувшись к телам, на миг замер. Рядом с лестницей на настенной держалке горела обычная керосиновая лампа. Немного топорно сделана, но точно керосиновая. Я снял её со стены, слегка обжигаясь о железо, пролил керосин на пол и разбил лампу. Огонь тут же охватил половицы и сухие доски лестницы. Скрывать улики так скрывать.

– Пожар!.. Пожар!..

Лишние жертвы мне были не нужны, поэтому, измазав лицо сажей, я и надрывался на бегу к выходу. Вынесло меня с десятком дворни, что, испуганно крича, покидали дом. Только в отличие от них я рванул не за ведрами (которых, кстати, не осталось, все работали у аптеки) или другими средствами. Я выбежал на улицу и припустил в сторону тупика, где, прихватив сабли, двинул уже подальше от дома посадника. На середине пути ко мне присоединился третий лазутчик (надо будет уточнить, как его зовут), и мы беспрепятственно добрались до причалов (слежки точно не было), где оба отправились спать. Правда, я искупался за бортом, смывая пот, кровь и следы сажи. Одежда холопа, что была на мне, ушла на дно с камнями.

Запихнув портфель в один из сундуков, я завалился спать, велел будить меня часиков через пять.

Думаю, мне хватит поспать. На завтра дел много. Изучить бумаги посадника, встретиться с английским капитаном на предмет покупки его корабля, если, конечно, он хозяин. С купцом Шереметьевым вечером встретиться. Причина та же, только он продавал два больших морских насада. Честно говоря, не знал, что чисто речные насады можно сделать морскими, очень хотелось посмотреть, что же это такое. Узнать, продаются ли усадьбы в окрестностях, но у реки, и дома в городе, забрать своих людей из усадьбы Красновских и вывезти казну. Решить проблему с рекрутами, что я набрал на землях Красновских. Проще говоря, выкупить их у хозяев, ну и по мелочи. А этой мелочи набиралось воз и маленькая тележка.

Разбудили меня ровно к завтраку. Пока вахтенный убирал в каюте за Лаской, я узнал все свежие новости, одновременно умываясь. Вахтенный оказался очень словоохотлив и был неплохо осведомлён. Оказалось, сгорело три дома и часть построек, благо до соседей огонь не добрался. Видимо, провидение помогло... ну, или отсутствие ветра. По словам матроса, сгорели дома воеводы, посадника и аптека французского немца. Последний чудом остался жив, но без гроша в кармане, всё в дело пустил. Теперь же ему осталось идти по миру вместе с семьей.

Последнее меня заинтересовало, и я велел вызвать Немцова и приготовить второй прибор.

«Надо будет подобрать себе пару помощников-секретарей для официальных дел и неофициальных, а то я своего капитана гоняю», – подумал я, когда тот вошёл в каюту. Мимо Немцова прошёл вахтенный, гордо держа перед собой мой ночной горшок, не пустой, естественно.

«Скромнее надо быть, скромнее», – покачал я головой и приветливо поздоровался с капитаном «Беды».

– Присаживайся, – указал я ему на стул напротив. – Мне уже сказали, что ты не успел позавтракать.

– Что-то случилось, князь?

С лёгкой руки Корнилова меня все стали называть князем, я не ругался и не поправлял. Тем более скоро это будет официальный титул. Пусть привыкают.

– Глазов, как ты понимаешь, нас больше не беспокоит. Разрулил я эту проблему.

– Я знаю. Посадник тоже упокоился, как и часть его семьи, – вздохнул Федор. – Четверо в огне погибли.

– Бывает, – ответил я и наконец принялся за завтрак.

Несколько минут в каюте стояло молчание, изредка нарушаемое громким чавканьем Ласки. Она тоже получила свою порцию.

– Аптекаря почто сожгли? – спросил Федор, когда мы закончили завтракать и принялись за чай.

– Торговал ядами, выдавая их за лекарства, – спокойно пояснил я. – Как раз насчёт аптекаря я тебя и пригласил. Он хоть и мошенник, но способный. То есть зелья варить может, что нам пригодится в будущем. Пошли к нему человечка и узнай, пойдёт ли он ко мне на службу в будущий аптекарский приказ. Отправимся мы ещё не скоро, но спецов надо набирать уже сейчас.

– Так он же травил нас! – не понял капитан.

– Это от незнания. Подучим, будет первоклассный специалист, причём на нашей службе. Главное, он сам организует лабораторию по приготовлению разных препаратов. Некоторые яды могут быть применены и во благо.

– Да?

– Да. Сам подумай. Я разорваться не смогу и везде не успею, это значит, на Новых Землях нужно будет организовывать лекарский приказ, чтоб тебе понятно было. Простенькие операции я их научу проводить. Вроде аппендицита. Опыт на пленных наработают. Но для этих операций и нужны наркотики. Ничего, организую исследовательскую медицинскую лабораторию, научатся со временем. Основы я им дам. А там сами знания наработают. Надо же с чего-то начинать. Лет через тридцать у нас будут неплохие врачи и хирурги... наверное. Вот я и говорю, надо с чего-то начать.

– Я понял тебя, князь. Сейчас же распоряжусь отправить человека за аптекарем.

– Хорошо, молодец, – благосклонно кивнул я. – У меня к тебе есть ещё одна просьба. Нужны два помощника. Чтобы умели писать, читать и дружили с головой. Умными были, проще говоря.

– Я понял, что ты сказал, научился, – рассеянно ответил Федор, о чём-то раздумывая. – У нас на всех всего четверо умеющих хорошо писать и читать, и все они учат, по твоему приказу, набранных для учёбы людей. Есть у меня один паренёк на примете из твоих артиллеристов. Думаю, он будет хорошим помощником. Он умеет писать и читать, я недавно об этом узнал. Мать его была из obsługi бояр, вышла замуж за мельника. Сама грамотной была, училась с детьми бояр, позже и детей своих научила.

Быстро перебрав все кандидатуры, я спросил:

– Семен, мельника сын?

– Он. Головастый парень и верный тебе. Бери, не пожалеешь.

– Молод ещё, тринадцать лет. Но это в плюс, сам его натренирую. Иди, отправь гонца к аптекарю и пришли мне Семёна, я сам с ним поговорю.

– Хорошо, князь... Разреши просьбу?

– Давай, в меру сил выполняю, – пожал я плечами.

– Разреши мне со своими близкими отправиться с тобой на Новую Землю, – удивил меня кормчий.

Я на несколько секунд завис, осмысливая ситуацию. Потом согласно кивнул и сказал:

– Это твоё решение, я только за. Даже дам тебе совет. Всех своих старших я планирую ввести в боярское звание перед отплытием. Там вы получите земли. Вот и предлагаю тебе продать всё, что есть, и купить холопов и живность. Корабли я вам для перевозки предоставлю. На себя планируй один. Будет у тебя деревенька, а то и две. Только сразу предупреждаю. Людей набирай с правом выкупа, чтобы они в будущем выкупиться могли. Мне рабов не надо. Отработают – освободишь, а к тому времени с Руси новых поселенцев доставим, надо будет –

выкупишь. Глядишь, кто из старых холопов у тебя арендатором останется. Потом подойдёшь, подробно объясню.

– Благодарствуй, князь, я согласен с твоим предложением. Сразу же, как будет свободное время, отправлю весточку своим, чтобы прибыли в Новгород ближайшим транспортом.

– Ближайшим не надо, мы тут задержимся на четыре месяца, а то попадём в сезон штормов в Атлантике. Время есть, не торопись.

– Спасибо, князь, – слегка поклонился Федор и вышел за дверь. Я просил не делать мне подобные поклоны, но, видимо, для Федора это была дань уважения.

Вахтенный убрал посуду, а я не успел разложить бумаги, что добыл у посадника, как в дверь постучались. Прибыл Семён, возможно, мой будущий секретарь.

– Проходи, – велел я ему, заметив, как в дверь просунулась конопатая любопытная мальчишеская голова в форменной шапке набекрень. Всё строго по уставу. Написанный мной устав уже внедрился в дружину, и служба шла как надо. Сержанты ревностно следили, чтобы никто не отходил от прописных правил.

Семен зашёл и после моего разрешающего жеста присел на стул, на котором ранее сидел Немцов. Не нагибаясь он опустил руку и погладил подбежавшую Ласку – руки длинные, да и щенок заметно подрос.

– Семён, я вот что тебя позвал. Как ты понимаешь, мне нужны верные и надежные люди, которые смогут держать язык за зубами. Ты ещё, конечно, молод, но с возрастом этот недостаток проходит, к тому же я сам ещё новик. Думаю предложить тебе работу моего человека для особых поручений и секретаря. Пока подучишься, дальше будет видно. Подумай, потом скажешь, что ты решил. Хорошо?

Надо отдать должное мальчику, он подумал секунд десять, после чего степенно сказал:

– Я уже выбрал, князь. Я буду с тобой всегда.

– Вот и ладно. Как с грамотой?

– Мама научила, умею читать, складывать и писать.

– Отлично. Так, вот тебе первое поручение. Пробежись по торговым рядам и узнай, где продаются усадьбы. Мне нужны те, что имеют выходы к реке Волхов со стороны Варяжского моря, чтобы там пристань была. Потом поспрашивай, продаются ли боярские дома в Новгороде. Производства какие, горшечная лавка, кузня или ещё что. А лучше составь мне список всего, что есть производственное в городе и окрестностях. Список нужен полный. Вот, держи, тебе лист бумаги и свинцовый карандаш. Это на сегодня, завтра будет другое задание.

– Ага, – довольно кивнул Семён, принимая бумагу, карандаш и немного денег, чтобы можно было пообедать в городе.

– Это ещё не всё. Город ты плохо знаешь, мало ли. Скажи десятнику, чтобы выделил тебе двух бойцов для охраны.

– Князь, я лучше переоденусь в обычную одежду и так пробежусь, а то на меня все глазеть будут. За варяга как бы не приняли.

– Это называется создать имидж, – ответил я и задумался. – Ладно, твоя идея тоже хороша, как закончишь, сразу ко мне. Доложишься.

– Ага, – кивнул Семен и быстро выбежал из каюты.

– Вахтенный! – крикнул я вслед пострелёнку.

– Здесь, – заглянул матрос.

– Лазутчики проснулись?

– Да, двое. Других двух со вчерашнего дня нет.

– У них своё задание. Давай мне обоих лазутчиков, после них позови Немцова.

– Хорошо, – вахтенный прикрыл дверь снаружи.

Через полминуты в дверь постучали, и после моего разрешения в каюту вошли двое лазутчиков. Молодой, то есть паренёк, и постарше.

– Как вас звать?

– Андрей Мельников, – кивнул тот, что постарше.

– Артем Воронов, – назвал себя младший.

– Хорошо. Вы свободные или в холопах у Красновских?

– Вольные люди, – ответили оба.

– Отлично. Тебя я назначаю старшим лазутчиком. Будешь получать плату как старший десятник. Обучение ваше я возьму на себя. Значит, работа для тебя, Андрей, на сегодня вот такая. Узнай всё, что можно, об иностранном корабле, что пришвартован с другой стороны моста. Кто хозяин, кто капитан – всё знать хочу. Потом займись купцом Шереметьевым. У меня вечером с ним встреча назначена, гонец к купцу уже отправлен, доложишься до его прихода. Тоже узнай, чем он дышит, какие беды у него, что имеет во владении. Понятно сказал?

– Да, некоторые слова новые, но они понятные, – кивнул Андрей.

– Хорошо. Всё, иди.

Старший лазутчик, получив деньги на прокорм, вышел, молодой же остался.

– Для тебя у меня другое задание. Нужно найти несколько приказчиков, которым нужна работа. Чтобы обязательно грамотные и хоть немного честными были. Отправишь их ко мне. Скажешь, боярские дела будут вести. Нужно мне два-три вполне умелых хлопца. Понял?

– Да, князь.

– Всё, это тебе на сегодня.

Передав пареньку десяток медных монет, я отправил его на поиски нужных мне знающих местную торговую кухню людей.

– Звал? – заглянул ко мне Немцов.

Отодвинув в сторону лист пергамента, что читал, я кивнул и велел проходить.

– Скоро у нас будет своя усадьба, по-любому будет, так что нужно подумать, как вывозить людей из имения Красновских. Долго там задерживаться не стоит. Максимум через неделю требуется их забрать. Ещё нужно узнать, можно ли выкупить у Красновских людей из тех, что мы набрали в дружину. Некоторые холопы, не вольные люди.

– Мне лично заняться этим?

– Сам решай, но держи это на контроле. Как только узнаем насчёт усадьбы и земель, чтобы всё было готово. Пока же сходи к Красновским и попробуй договориться о продаже людей, что к нам в боевые холопы пошли. Тогда мы не совсем по закону действовали, когда набирали людей. По Правде мы не правы. Этим нас могут прижать, поэтому требуется выкупить людей и покинуть усадьбу как можно быстрее.

– Выбора не было, голодали они, а сейчас на тебя молятся. Спасли, а боярыня их бросила, – ответил задумчивый Фёдор. – На базар я Авдея отправлю, пусть поспрашивают насчёт усадеб и земель. Народ там много что знает, земля слухами полнится, как ты любишь говорить, князь.

– Этого не требуется. Семёну поручил заняться этим.

– Ага, понятно, почему он ту холопскую рвань надел. Что ж, умно... К Красновским я сам схожу, к обеду как раз будет. Пошлю человека предупредить о приходе, чтобы ждали. Почём людей брать будем?

– По средней цене. Если будут поднимать, немного можно, если слишком дорого, то вернём людей.

– Они тебе крест на верность целовали, – тихо напомнил Фёдор.

– Да помню, но это вольные были. А людям Красновских просто хотел предложить вариант, чтобы они сами выкупились, деньги мы бы им дали. Вместе с семьями бы выкупились. Ладно, давай работай по первому варианту. Если не получится, будем действовать по второму, хоть это и мутно.

Когда Немцов вышел, я занялся бумагами. В течение двух часов мне никто не мешал, и я всё больше и больше погружался в хитросплетения схем работы воеводы-попаданца и посадника.

Когда я прочитал один из листов – он, как назло, попался мне в самом низу, – задумался и крикнул вахтенного офицера. Немцов уже полчаса как отбыл к Красновским.

– Командир? – вопросительно посмотрел на меня дежурный десятник.

– Наёмную повозку для бояр и четырёх бойцов в сопровождение, – велел я ему.

Тот скрылся, а я прочитал лист уже более внимательно и вдумчиво. На нём, можно сказать, было прописано личное дело Глазова-Дашко. То есть то, чем он владел лично, совместно с другими торговцами и с посадником. Поворошив остаток бумаг, я нашёл и другой лист, с описанием уже характера покойного воеводы. Не знаю, кто надоумил посадника написать всё это, а рука точно была его, но, наверное, слизал всё это с действий самого попаданца. Ох, надо бы почитать бумаги Грини, очень надо.

На первом листе были указаны все предприятия, которыми так или иначе владел Глазов-Дашко. Вот десяток меня и заинтересовал, то есть те, которыми единолично владел воевода-попаданец. Те, что были совместные с другими торговцами, меня не интересовали, а те, что были совместные с посадником, я пока отложил на более позднее время. Сейчас же надо было хапать что можно. Ведь у Глазова нет родственников, он их сам извёл, как указано в деле, и всё отойдёт городу, а этого допустить было нельзя. Рейдерский захват ещё никто не отменял. Тем более подписи Глебова и посадника я знал и скопировать мог. Посадник будет моим видоком при продаже. Сделаю фальшивки купли-продажи. Но сначала нужно было осмотреть предприятия, поставить в охрану там своих людей, а за ночь напишу фальшивки. Борзеть не будем, но три-четыре предприятия точно «куплю» – те, что получше. Вот мне и надо осмотреть, ради чего стоило бы рисковать.

«Эх, жаль, бумаг Дашко нет в наличии, их мне только завтра с утра подвезут вместе со свежей рыбой для команды. Конспирация, мать её. А то уточнил бы по этим предприятиям, что и как», – вздохнул я и стал разбирать бумаги на три стопки. То, что пойдёт в огонь, то, что в скрытый тайник, и то, что может пригодиться в будущем.

Вахтенный принёс мне медный тазик, и я самолично сжёг ненужные бумаги, после чего велел выплеснуть перемешанный с водой пепел за борт. После ухода вахтенного спрятал остальные бумаги в сундуки и тайник. После чего, потянувшись и почесав затекшую спину, вышел на палубу. Светило солнце, шумел город, орали чайки, а я стоял и блаженно улыбался, поглядывая вокруг. Яркая зелень деревьев, темноватая, но синяя вода Волхова, белые крепостные стены Новгорода. Лепота. Когда ты молод и в расцвете подростковых сил, то всё тебе кажется ярким и живым. Счастливо вздохнув, я сбросил портки и рубаху, после чего запрыгнул на борт ушкуя и вниз головой бросился в голубые воды реки.

Бойцы и часть команды, что не гуляла по городу, а работала по кораблю, с улыбками наблюдали за мной, пока я, с удовольствием отфыркиваясь, крутился неподалёку от корабля. Народу было не так много. Пять воинов в полной сбруе, включая десятника, шесть членов команды и трое мальчишек-артиллеристов, что обследовали одну из больших пушек. Вот и всё, остальные отдыхали в городе, согласно корабельному распорядку.

Поднявшись по сброшенной мне верёвке с узлами на борт ушкуя, я отряхнулся, не обращая внимания на то, что полностью голышом, и подошёл к артиллеристам.

– Что у вас?

Один из мальчишек обернулся, это был командир орудия Игорь Семенов, и виновато пояснил:

– Запальное отверстие прогорело. Большое стало, часть огненной силы с несгоревшим порохом вырывается из него, и выстрел получается не таким мощным.

– Да?

То, что артиллеристы могут так складно говорить, было не удивительно, пока поднимались по рекам, я давал им уроки, успели нахвататься. Час артиллеристы, час стрелки, час команда ушкуя. Причём остальное свободное время они занимались грамотой. Мне были нужны грамотные люди. Я собирался строить государство на землях американских индейцев, вот мне и нужны были будущие сподвижники. Бояре. Кстати, я собирался давать боярское звание только воинам. Не торгашам или бывшим крестьянам, а только воинам.

– Хм? – я прочистил горло, сплюнул за борт и присел у пушки, заглянув в запальное отверстие и в дуло. – На мой взгляд, ничего страшного. Смотрите, что я предлагаю. Сейчас берёте инструмент штатного кузнеца, что мы купили у немцев в Твери, и наждаком счищаете весь нагар и обгоревший металл в запальном отверстии. После этого подбираете бронзовую конусообразную втулку, подравниваете наждаком на глазок, чтобы она плотно встала в запальном отверстии. Дырку во втулке нужного размера просверлите вручную, после чего просовываете тонкую веревочку через запальное отверстие, вытаскиваете через дуло, привязываете через дыру втулку и тащите обратно, чтобы втулка плотно встала в запальном отверстии.

– Но она встанет неплотно, как сильно верёвку ни тяни, вряд ли что получится, – ответил командир орудия, мгновенно сообразив, о чём я говорю. Не зря я лично отбирал их в артиллеристы, туповатые тут не приживутся. Нужны именно такие вот умницы.

– Это так, – подтвердил я. – Подтащите к запальному отверстию втулку, проверите, нормально ли она встает, если нет, вытащите и подровняйте. Потом уже, когда она встанет на место, сунете в дуло крепкую палку и молотком забьёте втулку до предела. При первых двух выстрелах она уже встанет плотно. Вот и всё решение. А сейчас бегом за инструментом и пошлите кого-нибудь к кузнецу за бронзовыми втулками. Возьмите побольше, чтобы запас был. Деньги в судовой кассе у дежурного офицера возьмёте.

– Ясно, командир. Разрешите выполнять? – встал по стойке смирно старший артиллерист.

– Вольно, – улыбнулся я. – Действуйте. По окончании доложите, я проверю.

– Есть!

Одевшись в парадную одежду, я повесил на пояс сабли и по трапу ступил на доски причала. Вахтенный офицер ещё десять минут назад доложил, что требуемые повозки уже прибыли. Одна для меня, другая для охраны. Своё бы приобрести, но пока нет места, где содержать животину, смысла покупать коней и повозку не было. Тем более просто так повозки не продавались, делались только под заказ.

– Куда, боярин? – спросил местный возница, пока мои воины садились в другую повозку.

– На глазовскую ткацкую фабрику. Купил я её у него по прибытии, хочу осмотреть свои владения.

– О-о-о! – только и протянул возница.

Причина такой реакции стала понятна, когда мы выехали на окраину, подъехали к высокому забору и остановились у ворот, которые охранял мужик с мечом на поясе и кожаной сбруей. Высокие деревянные корпуса, что скрывал забор, ещё издали привлекли моё внимание. Да и охрана давала понять, что производство прибыльное и дорогое.

Покинув повозку, я подошёл к калитке.

– К кому? – хмуро спросил охранник.

– К себе, – спокойно ответил я. – Ещё вчера купил у вашего бывшего хозяина фабрику и ещё три предприятия. Похоже, правдивы были слухи, что Глазов в Киев собирался переехать, распродавая имущество.

Непринужденно выданная информация достигла ушей охранника, заставив его поморщиться. Все знали о гибели посадника и воеводы.

– Я позову директора производства, – сообщил охранник и, пропустив нас во двор предприятия, поспешил ко входу.

«Ого, а Гриня, я смотрю, тут неплохо развернулся, даже ввёл производственные термины и наименование должностей! Причём давно, служащие фабрики к ним привыкнуть успели», – лениво подумал я.

Я со своими воинами направился следом, не собираясь задерживаться у ворот. У входа в крайний корпус нас поймал местный директор.

– Простите, вы кто? – вежливо поинтересовался он.

– Боярин Красновский, приёмный сын бывшего воеводы. Вчера вечером я купил у Глазова эту фабрику и ещё три производства. Вот решил проверить, что за покупки мне достались.

– Прошу прощения, боярин, но можно видеть бумаги?

– Можно, но чуть позже. Я не догадался их взять, они у меня на корабле. Сегодня не успею, объезжаю всё купленное, но завтра обязательно покажу.

– Но...

– Я не всё сказал, – холодно произнёс я. – Охрану фабрик возьмут на себя мои люди. Вот эти два воина, позже придут ещё люди. Если вы будете работать хорошо, то останетесь на своём месте, если нет – выкину за ворота. Теперь показывайте мне мои владения.

– Но так нельзя! Без бумаг я не имею права что-либо показывать вам! – возмутился директор и тут же согнулся от удара прикладом в живот. Мои воины не любили, когда игнорировались мои приказы. Охранник, что стоял рядом, даже не дёрнулся, когда на него наставили сразу две пищали, только сблестнул слегка с лица.

Два воина и директор направились со мной в ближайший производственный корпус, один воин, приглядывая за местным охранником, остался у ворот, а четвертый, воспользовавшись повозкой, поехал на пристань – требовалось привезти четверых воинов, чтобы взяли под охрану фабрику.

Когда мы зашли внутрь, я прислушался. Среди перестука деревянных станков были слышны голоса как мужские, так и женские. Судя по всему, шло обсуждение смерти бывшего хозяина. Поглядев, как идёт производство тканей, я довольно улыбнулся, подмигнул ближайшей женщине и, осмотревшись, направился к группке людей. Главенствовал там парень лет тридцати. Судя по виду, местный начальник.

– Кто таков? – спросил я его.

Многие работники, заметив чужих, с интересом осмотрели нас. Что мне понравилось, производство не затихало ни на минуту, а вот во втором цехе-корпусе было тихо, это я ещё во дворе определил, хотя голоса я слышал и там.

– Артемий Вольский. Старший цеха, – спокойно ответил мужчина.

– Почему цех работает?

– Нам платят за работу. Нет работы – нет денег. Только не все это понимают, – стрельнув глазами в сторону директора, ответил парень.

– Это хорошо, что ты это понимаешь. Я вчера купил эту фабрику у боярина Глазова, видоком был боярин Дмитрий Борецкий, посадник. С той минуты фабрика принадлежит мне. Значит, такой мой приказ. С этой минуты я назначаю тебя, Артемий Вольский, директором фабрики, мне понравились твои слова. Прошлого директора я увольняю. Значит, так: четверо воинов охраняют фабрику, она должна продолжать работу. А ты, Артемий, подготовь все документы по фабрике, техдокументы по производству и по сбыту и доставишь их мне на пристань купца Черемухина, там стоит мой ушкуй «Беда». Там я живу, пока не купил дом в городе. Жаль, не догадался взять его у Глазова, а то он, похоже, захотел переехать в Киев. Значит, жду тебя вечером. Всё понял?

– Да, боярин, – поклонился Артемий.

– Этого гоните в шею вместе с охранником, – повернулся я к бойцам, подбородком указав на бывшего директора.

Не обращая внимания на вопли, я прошёлся по цеху, поглядывая на станки и прикидывая, как их демонтировать. Похоже, один корабль придётся полностью пустить на перевозку станков фабрики.

Ведь для чего я «скупал» производства и буду скупать ценных специалистов? На Новой Земле всё это будет нужно, ладно несколько сотен крестьян в деревушки, но для города-столицы княжества нужны производства и горожане, вот я и делал задел на будущее. Откуда брать материал для производств, решу позже, там видно будет.

После осмотра фабрики и всех её зданий я довольно кивнул, заглянул по пути на склад готовой продукции и направился к воротам, которые взяли под охрану прибывшие бойцы. Уровень работы фабрики поражал, как и прикидки тех сил, что вложил в производство Глазов. Ведь как в это время работали с тканями? В эти времена не было ткацких фабрик нигде в мире. Красильщики или купцы скупали по деревням домотканое полотно – шерстяное, лён, дерюгу из крапивы или конопли – и свозили к месту дальнейшей обработки. Так что фабрика Глазова – новаторское решение для местных, и похоже, за неё будет изрядная борьба. Посмотрим, кто кого.

Дальше наш путь лежал на стекольную фабрику. Не знаю, каких сил стоило Грине устроить это производство, но я искренне впечатлился. С этим производством тот же случай, как и с ткацкой фабрикой. Всё стекло на Руси привозное. Не было в это время подобного, так что несмотря на все Гринины выходки, по деловой части я его искренне зауважал.

Правда, фабрикой этот сарай с несколькими горнами и специалистами назвать было сложно – так, небольшое производство. Тут тоже рейдерский захват прошёл без проблем. Оставив двух бойцов, я направился по следующему адресу, свечному заводу. Только тут я опоздал, во дворе уже суетились служивые людишки, описывая имущество. Чтобы не терять время на бодания – их нахрапом без бумаг не возьмёшь, а там, где я побывал, попробуй через моих людей прорваться – поехал по следующему адресу, только находился он за чертой города. Одним словом, ехал я на лесопилку.

Мои надежды сбылись. Водяное колесо и обычная дисковая пила. Правда, всё это не работало, рабочие сидели и ожидали, что будет в связи со смертью хозяина. Объяснив им ситуацию, оставил двух воинов для охраны и быстро направился обратно на «Беду». Нужно было прикрыть тылы. Когда я собирал бумаги Глазова, то прихватил несколько чистых листов с его личной эмблемой на верху листа. Только они лежали в мешке на постоялом дворе под охраной моих людей-лазутчиков. Поэтому пропустив попавшихся на выезде из города служивых людишек, усмехнулся – опоздали, голубчики – и, заехав по пути на нужный постоялый двор (не до конспирации, торопиться надо), направился на ушкуй. Бумаги подвезут через полчаса, поэтому я поспешил готовить писчие принадлежности и почитать бумаги купли-продажи посадника, чтобы воспроизвести похожие на них фальшивки.

На пристани, кутаясь в одеяла, сидела семья. В старшем мужчине я опознал аптекаря. Отмахнувшись от всех, велел дежурному поставить семью на довольствие, перенеся нашу беседу на более позднее время, отмахнулся также от лазутчиков. Не время. Я даже Семёна не принял, хотя он подпрыгивал от переизбытка информации. Ничего, через час займусь и ими, главное – закончить с более важными делами. А производства, якобы мной купленные, того точно стоили.

Правда, у меня могут быть проблемы с легализацией. С этим мне могли бы помочь почивший Михалыч или, на крайний случай, его семья, но чего нет, того нет. Так что я в подвешенном состоянии. А что тут делали с самозванцами, присваивающими себе дворянское звание, я знал. Казнили их. Поэтому и надо было продержаться и свалить отсюда к чертям собачьим, а лучше легализоваться по-настоящему, вот я первые шаги и делал. Ничего, что-нибудь при-

думаем. Хм, у меня даже есть кое-какие планы на этот счёт, по первым прикидкам должно выгореть. Нужно будет чуть позже обмозговать это дело.

Только одному я был вынужден дать три минуты, так как это дело не терпело отлагательств – это вернувшемуся от семьи Корнилову. Мы вчера договорились с мастером, что делал пищали, и златокузнецом, хоть и немного припозднились, но обязательство нужно исполнять. Вот Корнилов, получив мешочки с серебром и немного золотом, и направился с двумя воинами к оружейнику, от него на наёмный склад, чтобы нанять пару телег для перевозки пищалей к златокузнецу на переделку и на склад. Его я и назначил ответственным за все операции, выделив в помощь и охрану трёх воинов. Больше просто нет, все оставшиеся на охране предприятий и обоих кораблей. Проводив Корнилова, я залез в тайник и стал более детально изучать бумаги посадника.

Следующие полтора часа мне никто не мешал. Вернувшийся от Красновских Немцов пристально смотрел за этим. Когда я полностью осознал местное правописание при составлении нужных договоров купли-продажи (бывало, и на бересте всё оформлялось, бумага дорога была), прибыли лазутчики с рыбой и бумагами Дашко в одном из мешков.

Рыба пошла коку, а нужный мешок незаметно смогли пронести мне в каюту. Всё-таки народу было на пристани немало, тем более количество увеличилось. Приходили незнакомые мне люди. Двое точно приказчики, судя по виду и тому, как с ними обращался младший лазутчик Артем.

За сорок минут я накидал на трёх листах с гербом Глазова-Дашко договора. Сравнил с уже имеющими и довольно кивнул. Один в один рука Грини, даже закорючка посадника была полностью скопирована. Сумму я ставил по примерным прикидкам, чуть завышая.

Убрал все бумаги посадника и воеводы в тайник, фальшивки к ценным бумагам в один из сундуков и, после плотного обеда, вернее даже уже полдника, велел вызывать ко мне по одному всех собравшихся на пристани.

Первым прошёл Немцов как старший на палубе.

– Докладывай, – велел я ему.

– Смог я обговорить с боярыней. Продаёт она тебе людей, уже послала человека купить холопов у разорившихся бояр на московских землях. Там неурожай был, голодно. Ещё просит личной встречи.

– Зачем?

– Сказала, продаст людишек тебе лично.

– Ладно... если так надо, замараюсь, схожу к ней. Назначь встречу на вечер... Нет, сегодня не успею, завтра к обеду я буду у неё.

– Хорошо, я отправлю гонца.

– Это всё?

– Да.

– Зови Семёна. После него лазутчиков, и под конец аптекаря.

– Хорошо, князь.

– Кстати, задержись на минутку, – попросил я Федора, когда он уже встал и подошёл к двери. Вернувшись к столу, он сел на место и вопросительно посмотрел на меня. – Как ты понимаешь, я липовый боярин, да и звания мне этого мало. С этой минуты, если кто будет спрашивать, я – Артур Кириллович Александров, князь государства Российского, что находится за океаном на царских землях. Поди проверь. Если кто будет интересоваться, почему представлялся боярином Красновским, так пусть отвечают, что Кузьма Михайлович стал мне приёмным отцом, я не мог ему отказать. Это всё ты должен пояснить команде и воинам. С лазутчиками я сам поговорю. Слухи обо мне уже должны пойти в городе, но нужно дать им правильное направление. Вот они и пояснят любопытным новгородцам, что я младший сын царя российского, ненаследный. Попал на корабле в бурю, чуть не утонул, но спасся, цепляясь

за обломки. Попал в плен сперва к англичанам, бежал, потом попался к крымчакам, бежал и оттуда. Сейчас скупаю корабли и людишек, чтобы вернуться на родину. Как тебе?

Федор задумчиво постукивал пальцами по столешнице.

– Хорошая идея, князь. Так тебе действительно можно говорить с боярами и князьями как с равными. Да и видно, что ты высокородный, умеешь повелевать и держать себя. Так могут только боярское и княжеское сословия. Проверить они действительно не смогут, но вот вопросов зададут множество, особо когда на вече соберут и тебя позовут. Откуда это государство взялось и другое. Даже почему имя у тебя, как у нас.

– Сейчас им не до этого. Делят освободившиеся места. А когда вспомнят обо мне, я уже буду крепко стоять на ногах.

– Если тебя не признают, то ни дом, ни усадьбы ты не купишь. Не сможешь.

– Да это и так понятно. Много у вас тут законов. Вон, даже производства иметь боярину невместно. Как только Глазов с посадником эти неофициальные законы обошли? Наплевали на них, что ли?

– Наверное, – пожал плечами Федор.

– Ладно, давай зови Семена. Разберусь с делами, и будем встречать Шереметьева. Ужин в корчме заказали?

– Всё самое лучшее.

– Вот и хорошо. Ступай.

Буквально сразу после Немцова в каюту прорвался Семён и затараторил от входа, но я жестом заставил его замолчать и усадил на стул.

– Успокоился? Теперь вдумчиво и подробно рассказывай, как у тебя день прошёл, есть ли новости?

– Есть, князь! – кивнул сияющий как новенький пятак Семен, доставая из-за пазухи помятый лист пергамента.

Взяв лист, я расправил его и стал вчитываться в каракули.

– Написано неплохо. Но явно второпях, не всё могу разобрать. Давай, ты мне всё своими словами расскажешь, что и как. Начни с усадеб, есть что в продаже?

– Да! – звонко воскликнул Семен и даже завозился на стуле от нетерпения. – Боярин Трофимов уезжает на земли московского царя и продает всё имущество, земли тоже. Правда, их у него немного, три деревеньки да усадьба, но она находится у берега Волхова, и пристань есть. Ещё у боярина был дом в Новгороде, но он его уже продал.

– Отличная новость. Боярин сейчас в усадьбе?

– Я говорил с его холопом, он сказал, что да. У боярина насад и ушкуй, вещи грузят. Потом они вернутся сюда.

– Хорошо. Завтра после встречи с Красновскими и решения дальнейшей судьбы своих людей отправимся на малом ушкуе к усадьбе. Поговорим с боярином и на земли посмотрим. Там, если что, и купим. Возьмем видоком кого-нибудь из соседей. Давай дальше, есть ещё что?

– Из производств ничего в продаже нет, хотя сейчас до драк доходит, борются за имущество воеводы. Родственников-то у него нет. Это всё.

– Новости ты отличные принёс. Вот тебе деньги за работу, купишь лакомства. Молодец, – протянул я несколько медных монет Семену. Тот таких огромных для него деньжищ не то что в руках не держал, не видел никогда. Поблагодарив, он забрал монеты и выбежал из каюты.

Следующим зашёл старший лазутчик Андрей Мельников.

– Докладывай, – велел я ему.

– Корабль принадлежит франкским немцам, не аглицким, – сообщил он мне первую весть.

– О как?! – оторвался я от бумаг, записывая доклад Андрея. За Семёном я уже записал, ведя свой дневник. – Те самые франки, которые не французы? Интересная информация... Давай дальше.

После доклада лазутчика стало ясно, что корабль называется «Святая Луиза». Пришёл он в Новгород с грузом мануфактуры, слитков хорошего железа и бижутерии. Капитан, он же владелец и купец Антуан Ревьер, торговец в третьем поколении. Это его третий приход в Новгород и, как всегда, прибыльный. На корабле тридцать шесть человек команды, сам корабль чуть больше «Беды», но имеет всего одну вертлюжную пушку. Продавать корабль, а уж тем более пушку Ревьер не собирался. Насчёт продажи корабля к нему уже обращались. Про пушку и так понятно.

– Ясно, – записав информацию, сказал я. – Что по купцу Шереметьеву?

– Много долгов, князь, сейчас многое распродает. Есть два морских насада. Пока не продал. Имеет две лавки в Новгороде, два кабака и корчму с постоянным двором. Дом двухэтажный. Продаёт лавку и кабак с насадами. Думаю, не хватит.

Под конец нашей беседы я снова уловил несоответствие внешнего вида лазутчика и его доклада. Слишком правильная речь. Такое пристало воину, но никак не сиволапому крестьянину, что мы наняли в землях Красновских.

Задумчиво посмотрев на него, я спросил прямо:

– Речь у тебя слишком правильная. Кто таков на самом деле?

Несколько секунд Мельников пристально смотрел на меня, потом опустил взгляд и ответил:

– Был личным слугой князя Земельского. Когда он попал в опалу к царю, бежал в земли Новгорода. Меня искали, сильно искали. Слишком много я знаю о делишках князя и царя, вот и пришлось прятаться под видом крестьянина. Настоящее моё имя Сергей Новодворский, из служивых.

– Понятно, – откинулся я на спинку стула. – Мне сразу бросилось в глаза несоответствие твоего вида и дел... Михайлов был в курсе? В подобное совпадение я не верю.

– Да, он знает, кто я. В молодости он у меня отроком начинал. Я его учил меч держать и таиться в засаде, когда воином был, потом он в Новгород к родственникам переехал. У него меня тоже искали.

– За что искали, спрашивать не буду. Захочешь – сам расскажешь. Ты мне ответь на один вопрос: тебе можно верить?

– Да, князь. Я клянусь тебе в верности. Я умею только служить, крестьянская жизнь не для меня, было время понять это.

– Хорошо. Будешь у меня на контроле. Остаешься пока на прежней должности. Значит, слушай сюда. Берёшь Артема, и идёте на базар, тот до вечера работает, как ты знаешь. Там обо мне ходят слухи, правдивые и нет. Нужно взять роспуск слухов в свои руки. Кликни Артема, объясню вам обоим... Значит, слушайте вот что. Два года назад из приморского города Санкт-Петербург государства Российского вышел в море большой торговый корабль с младшим сыном царя на борту...

Говорил я с подробностями, лазутчики слушали со всем вниманием, запоминая, что я говорю. Сегодня же им нужно будет всё это рассказывать в кабаках и в торговых рядах. Мне нужно было главное – чтобы эти слухи дошли до именитых людей города и те к ним прислушались. Поверят или нет – это их проблемы, но я собирался играть именно от этого.

Наконец я закончил, немного погонял вопросами, проверяя, как запомнили, после чего, выдав денег, велел переодеться в одежды моей команды и приказал Артему задержаться.

Сергей вышел, а я велел младшему лазутчику докладывать, кого он привёл.

– Личные люди воеводы Глазова. Тот погиб в огне, вот они и ищут работу.

– О как? Быстро, – снова откинулся я на спинку стула и с некоторой растерянностью провёл пальцами по вихрам, но быстро вернулся к реальности и приказал: – Отправляйся со старшим в город, у вас есть задание, а ко мне позови приказчиков.

Когда Артём вышел, слышались голоса, и после стука в каюту вошли двое мужчин. Один лет тридцати, с шальными глазами, он у меня сразу вызвал антипатию, и моложе, лет двадцати двух – двадцати трёх.

– Кто такие будете?

Оба сорвали шапки с голов и, держа их в руках, представились. Первым начал старший:

– Игорь Грищенко, с Киева. Работаю у боярина Глазова уже шесть лет. Работал с купцами и боярами, даже с иностранными, – набивал он себе цену, но я уже всё понял и решил не брать. Этот явно по темным делишкам Грини. Второй, с открытым взглядом, явно работал по-белому.

– Сергей Руссов из Новгорода, князь. Работал у боярина Глазова четыре месяца, занимался поставками.

– Поставками чего? – уточнил я и тут же получил честный и прямой ответ:

– Поставками всего.

– Хорошо. Ты, Сергей, меня устраиваешь. А ты, Грищенко, нет, причин объяснять не буду. Свободен.

Как только недовольный подручный Грини вышел, я посмотрел на приказчика и сказал:

– Вот тебе первое проверочное задание. Мне нужны мастеровые людишки, что бояре продают, из закупов. Всех направлений работы. Кузнецы, строительные артели, плотники, печники, горшечники, лавочники и так далее. Нужно примерно человек пятьдесят с семьями. По покупкам мастеровых не ко мне, а к моему помощнику Семёну, он и будет отвечать за людей. Это всё. Сейчас оформим тебя на работу, и держи аванс. Выйдешь за дверь – позови иностранца.

После приказчика в каюту прошёл, в сопровождении вахтенного, аптекарь. Он уже не кутался в одеяло, пугая прохожих исподним, а был в простой, заметно ношенной одежде горожанина. Видимо, кто-то подарил по доброте душевной погорельцам.

– Что же вы, Карл Лехтиганс, так опростоволосились? Всего месяц как купили дом и лавку под аптеку, и ничего не успели заработать?

– Все деньги вложил в дело, боярин, – вздохнул аптекарь. Говорил он откровенно плохо, но понять было можно.

– Князь, – поправил я его. – Меня интересуют ваши умения, и если они устроят – желание работать на меня. Скажу сразу, идём мы на новые богатые земли, заселим их и введем под крыло государства Российского, откуда я родом. Если вы меня устроите, то получите всё, что нужно для лаборатории для варки лекарств, и должность главного аптекаря моего города. Будете также получать плату за обучение будущих аптекарей и врачей. Теперь я хотел бы услышать от вас то, что меня устроит.

Аптекарь желал служить у меня, у него действительно ничего не осталось, а друзей завести не успел. Главное я понял: он неплохой алхимик, по местным понятиям. То есть знал многое из химии, и это мне было нужно. Поэтому, обговорив все условия найма, официально всё оформили. Причём я взял его на работу от имени княжества Российского. То, что оно ещё не существует, из моих людей знали всего четверо.

К этому времени Немцов нашёл дом, что сдаётся внаём, и снял его на пару месяцев, по местным временным меркам. Туда я и отправил аптекаря с семьёй, велел ему узнать, где можно купить оборудование алхимика, ведь всё, что принадлежало Лехтигансу, сгинуло в огне. Также я выдал ему небольшую сумму на расходы для семьи.

После отъезда аптекаря Немцов сообщил о сразу двух посетителях. Ну, о купце Шереметьеве я был в курсе, он как раз вылезал из своей пролётки. Вторым был служивый нового посадника, то есть главы Новгорода и новгородской республики боярина Старикова, которого

сегодня назначили на эту должность. Вот это было странно, обычно за это место шла долгая свара, а тут почти сразу и без споров появился этот Стариков. Анализ дал понять, что против старого посадника и Глазова была противоборствующая группировка, и она после гибели владык взяла всё в свои руки. Быстро и качественно. Надеюсь, мы уживёмся. Иначе и быть не может... Для местных, естественно. А то мало ли начнётся с моей руки уменьшение их поголовья.

В Новгороде не было своего хозяина, было вече, где временного главного выбирали из своих бояр. Именно поэтому и называли московские люди местную систему новгородской вольницей. Мне это нравилось, можно более спокойно решать свои дела. Не было такого контроля, как в Москве, а посадник... а что посадник? Разве он может за всем уследить? Да если и сможет, так все мы люди, все мы в состоянии договориться друг с другом, все мы смертны.

В задумчивости анализируя принесённые новости, я велел Федору:

– Давай гонца, решим это дело. Потом купца. Вынеси ему пока бокал вина. Но не извиняйся за задержку, князю это невместно.

– Хорошо, – кивнул Федор и вышел за дверь. Через минуту он открыл её снова и пропустил ко мне в каюту немолодого служивого в кафтане. Ранее тот служил под началом Борецкого, бывшего посадника. Теперь работал на нового.

– С чем пришёл? – спросил я у него.

– Новый посадник боярин Стариков велел тебе прибыть к нему домой и объяснить, почему твои людишки захватили чужое добро.

– Значит, так, смерд! – рявкнул я. – Я князь по рождению и не позволю, чтобы всякие холопы мне тыкали и выказывали неуважение! Немцов!

– Князь? – заглянул к нам Федор.

– Взять, всыпать ему десять плетей. При каждом ударе словесно объясните, как должен вести себя холоп перед князем. Выполнять!

– Есть!

Двое крепких ушкуйников схватили служивого под руки, быстро разоружили, освободив от ножей, и, возмущённого, потащили на палубу. Через минуту стали слышны хлопки и вопли боли. И всё это под аккомпанемент скрипнувшей двери, пропустившей ко мне в апартаменты дородного купца.

– Здравия желаю, князь, – низко поклонился купец.

«Вот так бы сразу, а то взяли моду не уважать меня», – всё ещё отходил я от накрученного гнева.

Ладно, воинам и ушкуйникам, что шли со мной, кланяться мне не обязательно. Мы в походе, а в походе это делать не принято, если, конечно, князь или боярин не из спесивых. Но чужие служаки уж больно вольно себя ведут. Я их научу российскую власть уважать. Весь Новгород нагну! Ого, ещё не отошёл от накрученного гнева.

– Проходите, присядьте. Разговор у нас до-олгий будет.

Купец насторожился, бросил на меня пристальный взгляд из-под густых бровей и, подойдя к стулу, осторожно присел. Было видно, что купец – мужик битый и умеет понимать ситуацию.

– Без малейших проволочек я хочу сообщить вам, что хотел бы купить два насада, что вы выставили на торги. Я знаю о вашем бедственном положении. Беды излишне часто преследовали вас, но я смотрю, вы не сломались и раз за разом выбираетесь из долговой ямы. Мне нравится ваша деловая хватка и умение выкручиваться из любой ситуации. Кроме покупки двух судов, у меня к вам есть предложение. К концу лета, ближе к сбору посевов, я со своими людьми отправляюсь в Новые Земли. Не туда, откуда родом, но и они богаты природой, и понимающий человек быстро станет там очень обеспеченным. Я воздвигну город, и в этом

городе мне нужны также купцы, лавочники и торговцы. Я пока никого не набрал, так что у вас есть приоритет на первое место в купеческой гильдии будущего княжества Российского. У вас десять дней, чтобы принять решение, так как ваш недруг, что вам вредит и рушит все ваши начинания, своего не оставит, а со мной вы начнёте жить с чистого листа. Теперь давайте поговорим о главной причине вашего прихода. Это покупка морских судов. Во сколько вы их оцениваете? Должен признаться, что мой кормчий уже осмотрел их и признал годными к использованию, так что я ожидаю ответа.

– Три рубля золотом за каждое судно, князь, – выдохнул купец с таким видом, как будто бросается в прорубь.

– Хм, на треть завысили, но зная ваше бедственное положение, не буду торговаться. Считайте это вложением в будущее. Позовите видоков, и сразу закончим с этим делом. Суда пока пусть постоят у вашей пристани. Мои команды заберут их чуть позже.

– Хорошо, князь, – уже бодрее ответил Шереметьев.

«Я не я буду, если он не согласится плыть со мной. Хотя насчёт недруга я слукавил. Гриня мёртв и пакостить уже не будет. Нужно будет посмотреть на дочку купца Алёну, неужто она действительно такая красавица?»

Покупка насадов прошла быстро. Известив об этом Немцова, я велел искать молодых ушкуйников, что согласны пойти ко мне для формирования команд на постоянную службу. Кормчих для них нужно будет отбирать особо. Как меня уже известили, к «Беде» уже начали подходить охочие люди. Буквально час назад подошло пятеро боевых холопов, которых отпустил разорившийся боярин. Они искали крепкого и рачительного хозяина. Обо мне уже пошли слухи, вот они и подошли наудачу. Их тестировал один из десятников. Трое ещё ничего, но двое были староваты для нас. Хотя, как я понял, один из пожилых боевых холопов был неплохим сабельником. Если всё срастётся и вернувшийся от оружейника Авдей возьмёт их, то поставлю этого старика учителем сабельного боя для пушкаррей. У меня было мало времени заниматься ими, а тут вроде неплохой учитель нарисовался.

Перед самой темнотой пришёл новый директор ткацкой фабрики со знакомым портфелем и передал мне бумаги по делам фабрики. Также я предъявил ему документ купли-продажи, чем подтвердил покупку. На изучение фабричных документов у меня ушло чуть больше часа, после чего я отпустил директора, предупредив его о проверке, что проведу завтра утром.

На этом мой день закончился. Служивого отправили обратно, правда, идти он не мог и его положили в телегу. Купец уехал по своим делам, видимо торопясь отдать долги, а я до самой зари сидел и читал бумаги Грини. Нет, всё-таки я рад, что прикончил эту мразь. Такого начитался, уснуть не мог. Надо его несколько раз убить, хотя... я, кажется, это уже сделал. Но он заслужил, честно заслужил!

На следующие дни у меня распланирована каждая минута, но на вечера я нашёл себе занятие, когда ознакомился со сводом законов Новгородской республики из бумаг посадника. Пора писать свод законов княжества Российского, вот и буду этим заниматься. А то скоро уже бояре появятся и служивый люд, а законов княжества ещё не существует. Непорядок.

Утром, не особо выспавшись, я искупался в прохладных водах Волхова, чтобы прогнать полусонное состояние. Кстати, забавная тенденция наметилась в последнее время: сперва мальчишки-артиллеристы стали следовать моему примеру, теперь можно и взрослых видеть, пока ещё неумело плавающих у берега или бортов ушкуев. Воины, пыхтя, как паровозы, спокойно, как линкоры, бороздили воды Волхова и гордо поглядывали на зрителей. Были тут и такие из местных. Честно скажу, на купальщиков поглядывали, открыв рот от удивления. Не принято тут так было, в воде только полоскали белье, да брызгалась ребятня на мелководье.

После завтрака поехал инспектировать свои предприятия. Фальшивки купли-продажи я захватить не забыл, нужно будет показать начальникам производства, тем, что я оставил на месте, или новым.

– Командир, – поймал меня у повозки Семён.

– Говори, – кивнул я ему, с интересом посмотрев на два десятка парней, что кучкой топтались на набережной и пристально наблюдали за нами. Судя по драной одежде, это дно Новгорода. У меня таких было много, почти все артиллеристы, да и Семён через это прошёл.

– Ваш приказ выполнен, – важно сказал Семен. – Есть уже двадцать три добровольца из сирот Новгорода.

– Вот даже как? – сняв ногу с подножки, я вернул её на утрамбованную землю и направился к добровольцам. Крикнув заодно старшего артиллериста, Немцова и старшего десятника Ивана Стольничева, что принял десятки вместо Корнилова. Именно он принимал пятерых боевых холопов, что пришли вчера, пробуясь на место. Всех пятерых взяли. Трое пошли в десятки, уже с некоторой оторопью начали осваивать пищали, четвертый – учителем и инструктором к пушкарям. Я его проверил, он действительно неплохо бился на сабле. А вот пятый поступил на службу в тыловую часть. Стар он был для боев, а вот как ротный старшина – самое то. В данный момент он изучал свои обязанности и выслушивал Немцова, который объяснял ему суть будущей работы. Ничего, через пару недель, надеюсь, он освоится, и у нас будет крепкий тыл.

Когда командиры подошли, я им велел:

– Посмотрите. Подойдёт вам кто?

Семенов, четырнадцатилетний паренёк, подошёл к парням и стал с каждым перебрасываться несколькими словами. Некоторых он отводил в сторону, от других отходил, с сомнением качая головой. Отобрав семерых, он отошёл в сторону, продолжая беседовать с wybranymi рекрутами. Теперь настала очередь старшего десятника. У артиллеристов при выборе рекрутов всегда была поблажка. Немцов забрал пятерых, что покрепче, в команды насадов, решив ими усилить профессиональные команды. Десятник сгрёб оставшихся восьмерых человек. Были там и одиннадцатилетние пареньки, и шестнадцатилетние. Для молодежи у нас всегда найдётся работа. Подносчики боеприпасов, разведчики, помощники медиков. Пора вводить и мед-службу. Исполняющий обязанности начальника тыла у нас уже есть. Начальником я планировал поставить Сергея Руссова, бывшего глазовского приказчика, думаю, он потянет. Знаний пока у него необходимых нет, но парень, вижу, сметливый, освоится.

– Семён, – тихо окликнул я своего секретаря. – А что, девчат среди сирот нет?

– Почему нет, есть, – удивился паренёк.

– Они мне тоже нужны. Будут обстирывать воинов, кормить да и врачевать раненых. Так что давай и их собирай. Только тех, кто никому не нужен и живёт на улицах. С весны, после боя с московским войском, таких много должно быть. У церкви поищи, они обычно там собираются.

– Я знаю. Поищем, князь, – уверенно кивнул Семён. – Я у парней спрашиваю, они местные, всех знают.

– Вот и молодец.

Убедившись, что всех добровольцев разобрали по подразделениям, я принял клятву на верность ото всех рекрутов и, передав старшим командирам определённые суммы на оснащение новичков, то есть на закупку тканей и пошив формы с покупкой амуниции, вернулся в повозку и велел ехать по первому адресу.

Ничего, это не первые их рекруты, и что делать и покупать, они знают.

Осмотрев все три производства, предъявил на каждом бумагу купли-продажи, чем полностью подтвердил, что я теперь хозяин предприятий, и ввел некоторые новшества. Директор ткацкой фабрики ещё вчера видел документ, подтверждающий покупку фабрики, но я показал

ещё его работникам, чтобы они тоже видели. Это так, больше для самоуспокоения, вряд ли кто из них умеет читать, максимум пара человек.

На каждом предприятии я велел директорам подготовить ещё по три смены рабочих, пообещав прислать к ним новичков. И также попросил провести опрос, согласится ли кто из старых работников сменить место жительства, перебравшись в другой город. То, что этот город пока у меня ещё в планах, я скромно умолчал.

Они также должны были подобрать начальников будущих цехов и директоров, кто согласится перебраться в другие города с повышением должности и зарплаты. Набор будущих работников из неблагополучных семей я поручил Семёну, который сопровождал меня, и новому приказчику. Слух о том, что я набираю людей на новые земли, уже стали циркулировать по городу, как сообщил мне приказчик. Он, кстати, попросился с нами, сообщив, что у него молодая жена и годовалый сын. Было видно, что он умеет держать нос по ветру, и что скоро Новгород присоединится к Москве, было ясно. Что ж, похоже, у меня всё-таки появится начальник тыла.

Пока ехали, я объяснил ему, какое у меня есть свободное рабочее место, описав особенности службы и то, что несколько подчиненных у него в наличии уже есть, включая зама по военным вопросам. Это я про того боевого холопа. Голова у него ясная, так что старик был на месте. Надеюсь, они сработаются друг с другом. Подумав, Сергей дал согласие.

После этого я заехал к мастеру, что делал пищали. Пообщался с ним, узнал, доволен ли, потом на склады, где застал Корнилова. Тот ещё вчера отправил десяток пищалей мастеру-златокузнецу, и тот за полдня сделал на пяти пищалах кремневые замки. Было видно, что его впечатлила доплата за скорость и качество. Вот как раз к моему приезду Корнилов рассматривал доставленные от златокузнеца пищали, что привезли всего полчаса назад. Проверял качество отделки и как замки высекают искру. Крепко ли зажаты кремни.

– Ну как? – спросил я его, беря из берестяного короба похожую пищаль.

– Проверить только стрельбой можно, а так искру высекает исправно, – ответил Авдей.

– Давай проверим. Воин! – окликнул я одного из своих бойцов, что сопровождали меня. – Поставь те два чурбака к стене.

– Тут будем стрелять? – удивился Авдей.

– Стены сарая сложены из больших и толстых брёвен, картечь не пробьёт, да и стены заглушат выстрел, мало кто снаружи услышит. Кто-нибудь даст мне пороху и свинца?

Первым подскочил Семён и подал мешочки с порохом и пулями от своего пистолета. Пыжи были в мешочке с пулями. Поэтому я быстро снарядил пищаль, благо шомпол был в наличии, и, вскинув оружие, без задержки спустил курок. Грохнул выстрел, и меня сильно толкнуло в плечо, как я ни прижимал к себе несуразный приклад.

– Нормально, трещин нет, ствол выдержал полуторную мерку пороха. Хороший мастер делал, – сделал вывод я после осмотра пищали.

Тут грохнул выстрел, и пламя вырвалось из дула второй пищали, что держал Корнилов.

– Да, хорошее оружие, – подтвердил Авдей, убирая пищаль на место. – Чурбаки снесло и брёвна стены повредило, но не пробило. Приклад сильно неудобен, нужно будет передать нашим плотникам, чтобы сделали такие же приклады, как у нашего оружия.

– Да. Они закончили с переделками и сейчас не заняты, можешь отправлять первую партию. После переделки сразу поставка в сотню. Кстати, у нас два десятка добровольцев из сирот, про боевых холопов ты знаешь. Восемь попали в стрелецкую сотню, раскидайте их по десяткам, а пока их поставят на довольствие и выдадут форму. Будут ещё девчата, но основную массу я раскидаю по предприятиям, чтобы перенимали науку. Тех, что с понятием, то есть думать умеют, в лекарки.

– Тут недалеко в деревне живёт лекарка, которую все хвалят. Можно с ней договориться, чтобы взяла учениц.

– Времени мало, но спасибо, я подумаю.

– Когда мы возвращаемся в усадьбу Красновских? – спросил Корнилов.

– Мы вернёмся. Ты тут с приказчиком останешься, будешь следить за производствами и поставкой вооружения.

– Но я же...

– Для этого тебе и даётся приказчик, будешь наблюдать, как он работает, и учиться. Кстати, познакомься. Сергей Руссов. С ним ты и будешь работать. С сегодняшнего дня Сергей отвечает за обеспечение нашего тыла. Производство тоже на нём. Твоя задача – контролировать только военные поставки.

– А я тебя знаю, – посмотрев на приказчика, сказал Корнилов. – Ты сын Игоря Руссова, лавочника с мясных рядов.

– Это я, – подтвердил тот.

– Вот и познакомились, – влез я. – Насчёт возвращения за своими людьми: дня через три-четыре, как только куплю усадьбу. Есть тут одна наводка. После обеда поеду узнавать.

– А если её купили?

– Вряд ли, три деревеньки, усадьба, и всё в лесах, пахотных земель почти и нет, только на прокорм холопов. Пойду на малом ушкуе, он быстрее будет. Ладно, ты продолжай заниматься вооружением, а я дальше инспектировать...

После проверки всех вложений – я даже в тот дом заехал, что мы сняли и где жила семья аптекаря – мы вернулись к пристани, где покачивались оба наших ушкуя. Хотя нет, с другой стороны пристани появилось незнакомое судно, чуть дальше было видно, как подходит ещё одно, той же постройки. Похоже, Федор выполнил мою просьбу и перегнал купленные насады. Хотя можно было повременить, так как суда находились на приколе с другой стороны моста, и чтобы перегнать их к нам, пришлось снимать по две мачты на каждом корабле, сейчас их тянули на буксирах. Команды мы ещё не набрали, так, по три-четыре человека на каждое судно, но видимо, Федор просто нанял перегонные команды. У нас просто не было столько людей, сколько я видел на палубе.

Покинув повозку, я быстрым шагом, отчего свита перешла на бег, направился к причалившему судну. Нужно самому осмотреть насады и прикинуть, подойдут ли они для атлантического плавания, сколько людей можно взять и животных. Так-то у меня всего одно судно, не считая насады, подготовлено к длительному плаванию. Это «Беда». Малый ушкуй – чисто речное судно.

После осмотра трюма и небольших кают – палубы были крыты, – я спросил у сопровождавшего меня Немцова как признанного эксперта по новгородским судам:

– Это точно насады? Странная постройка.

– Я тоже впервые вижу такие суда, но основа взята с насадов, поэтому их так и называют. Но это морские суда, они могут ходить по большим волнам.

– Сколько один насад может взять груза, людей и скотины?

– Считая команду из двадцати человек – около ста человек. Животных – пять лошадей, столько же коров. Двадцать овец или коз. Кур десятка три. Столько же гусей или уток. Ещё еды, чтобы прокормить их на время плавания, и воды. Но немного. Если брать больше воды и еды, то места для людей и животных становится меньше. Смотреть надо.

– Хм. Насады одинаковые. Значит, на все три судна можно взять около трёхсот человек. Два десятка лошадей, столько же коров, сколько-то мелкой живности. Нет, маловато будет, да и ход только прибрежный, чтобы набирать воду и закупать продовольствие, нам ведь неделями

плыть в отрыве от большой земли... Минимум тысячу человек за один переход – вот сколько нам надо.

– Я узнавал у местных корабелов, почти готовы три морских ладьи и два ушкуя. Если их перекупить, они станут нашими. Все суда строятся с расчётом ходить в дальние моря. Большие. Про речные не узнавал, но и они есть.

– Хорошо. Займись этим, пусть Сергей-приказчик тебе поможет. Он местный, может, что посоветует. Займись этим сейчас же. И ещё, если дать заказ ещё на десяток ладей, за сколько они их сделают?

– В Новгороде всего три артели корабелов, именно у них мне и нужно будет выкупить строящиеся суда, – задумчиво стал жевать губы Федор.

– Ты не ответил на мой вопрос, – сказал я, спускаясь по трапу с палубы насада на пристань и с подозрением глядя на пять всадников, что спускались к нам от стен Софийской стороны города. Это были явно служилые люди.

– Одно судно обычно строится сто дней, если есть хорошие высушенные материалы.

– Три артели – три судна, – задумчиво пробормотал я. – Когда будешь выкупать суда, узнай всё по моему вопросу. Пообещай, что лесопилка, что делает доски, будет работать в основном на них, а не на продажу. Я удвою плату, если они сделают по два судна за тот же срок, но чтобы они были в идеальном состоянии и выдержали дальний поход. Чтобы на них пошёл лучший материал. Вечером жду доклада по всем этим вопросам.

– Хорошо, сделаю, – ответил Федор, тоже с интересом наблюдая за всадниками, что остановились у начала причалов и о чём-то говорили с часовым, не пускавшим их к нам. Туда уже спешил старший десятник – узнать, в чём дело.

– Люди боярина Старикова, судя по одеждам, – сказал я.

– Да. Похоже.

– Я ожидал, что новый посадник быстрееотреагирует на порку своего служивого, а тут только на следующий день, да и то ближе к обеду.

К нам быстрой трусцой приближался десятник, придерживая на ходу меч. Ещё вчера вечером, после порки человека посадника, я перевёл стрелков на осадное положение, усилив посты и охрану на предприятиях в ущерб охране ушкуев. Всего три человека, считая одного десятника на два ушкуя и теперь ещё на два насада. Но у меня команды кавалерийскими ружьями были вооружены, так что не стоит сбрасывать со счетов и их, тем более прогулки по городу я отменил и все были на месте, сейчас команды ушкуев, стараясь держать оружие при себе, осматривали насады.

– В чём дело, Иван? – спросил я у десятника. Этот старший десятник мне нравился деловой хваткой и бережным отношением к людям. У меня на него были свои, можно сказать, немалые планы.

– Посадник Стариков просит тебя, князь, принять его приглашение и посетить его дом.

– Когда?

– Сейчас.

– Хм, – задумался я. – Ладно, сейчас переоденусь в парадную одежду и посещу посадника. Четверку воинов со мной. Одним словом, как обычно.

– Хорошо, – десятник поспешил обратно сообщить гонцам.

Повернувшись к Немцову, я сказал:

– Занимайся тем, что я тебе поручил, а я после посадника посещу Красновских. Списки тех, кого надо выкупить, у тебя?

– Да, мы дополнили их ещё тремя. Сейчас принесу.

Пока Немцов возился у себя в каюте, я быстро переоделся, не забыв надеть кольчугу двойного плетения скрытого ношения. Также я взял все бумаги, что мне могут пригодиться, положив их в портфель.

На входе принял три листа со списками тех, кого нужно выкупить из холопов у Красновских, и направился к повозке, рядом с которой ожидали гонцы и мои воины.

Сама дорога до жилища нового посадника не особо запомнилась, ехали по улицам, сопровождающие нас слуги Старикова разгоняли прохожих с нашего пути. Я больше думал о предстоящем разговоре. Одно то, что он назначен не в местном кремле, а в личном жилище боярина, давало подсказку, что встреча будет скорее неофициальной. Хотя многие государственные служащие, даже новгородской вольницы, брали работу на дом, но думаю, тут другое.

Стариков жил в большом деревянном трёхэтажном тереме буквально в восьми домах от пожарища посадника, в трёх домах от аптекаря и двух, но уже с другой стороны, от воеводы. Кучно тут жили местные олигархи.

Дворовый служака распахнул ворота, и мы вкатились во двор расписного терема посадника. Меня встречали на крыльце, выказывая дань уважения, как и положено по приезде гостя богатого сословия, как здесь называли дворян. Причём встречали родственники посадника, но его самого не было. Это не было неуважением. Просто посадник не мог сам встречать неизвестного и непонятого гостя до официального подтверждения его сословия. Такие вот хитросплетения местной политики. Я это сразу понял и в обиде не был. По-другому посадник поступить просто не мог. Вот если бы он меня встречал на крыльце, я бы побыстрее свалил отсюда. Всё, что непонятно – опасно.

– Здравствуй, гость дорогой, – низко поклонилась жена посадника, протягивая мне ковш с напитком. По местным традициям, я должен осушить его до дна. Бывало, в таких случаях весельчаки-хозяева наливали, вместо лёгких напитков вроде кваса или сбитня, перевар, тот же самогон, и гости не могли его не выпить. Традиция. – Прими, не побрезгуй.

Мне же повезло, в ковше был обычный, но удивительно вкусный квас.

Выпив его до конца и показав, что он совершенно пуст (жара, не трудно было), я протянул его обратно хозяйшке и трижды поцеловал её. Всё как и положено.

– Спасибо, хозяйшка.

Зардевшаяся моложавая женщина пригласила меня пройти. Воины остались во дворе, а я направился следом за хозяйкой, поглядывая по сторонам, а также на трёх холопов и холопок дворни, что сопровождали нас. Вроде засады нет, всё в порядке.

Хозяйка довела меня до одной из комнат и, распахнув дверь, пригласила пройти. Эта было что-то вроде гостиной в местном исполнении. То есть для гостей. Меня привлекли в ней не только стёкла в окнах, но и две настоящие картины. Именно к ним я подошёл и стал изучать.

– Нравится? – услышал я за спиной. В комнате точно никого не было, я специально осмотрелся, а тут даже дверь не скрипнула, как прозвучал незнакомый голос. Обернувшись, я заметил у двери незнакомую мужчину в боярских одеяниях. На вид ему было чуть за сорок. Окладистая борода по местной моде доходила до середины груди и явно была гордостью владельца. Настолько пышная и ухоженная.

– Неплохо. Никогда не слышал о Боттичелли, однако писано мастером, – улыбнулся я. – Я не особый поклонник живописи, но немного разбираюсь. Жизнь научила.

– Что вы скажете об этой картине? – поинтересовался посадник, подойдя к крайней, где были запечатлены охотники на пикнике.

– Думаю, художник получит признание благодаря тонкости и выразительности своего стиля. Яркой индивидуальной манере художника присущи музыкальность лёгких трепетных линий, прозрачность холодных изысканных красок, одушевлённость ландшафта, прихотливая игра линейных ритмов. Похоже, он всегда стремился влить душу в новые живописные формы, – глядя на картину, говорил я.

Думаю, запудрил посаднику мозги своими возвышенными фразами по самое не хочу, но тот быстро оправился.

– Я впервые встречаю столь тонкого знатока живописи, – с откровенным восхищением сказал Стариков. – Я купил эту картину, когда был в Венеции. Город, построенный на воде, изумил меня. Как и его мастера, жители и художники.

– В Венеции красиво, особенно их лодки с поющими гондольерами. Вы позвали меня поразить своими картинами, или будет разговор на другую тему? Мне, конечно, всё интересно, но через час у меня назначена встреча с боярыней Красновской. Не хотелось бы заставлять вдову ждать.

– Да-да, конечно, князь. Пройдемте ко мне в кабинет. Встреча у нас чисто деловая. Поэтому, извините, не приглашаю к столу.

«Ого, Стариков меня признал! Картины, что ли, повлияли?» – изумился я, следуя за посадником, который описывал свой дом и объяснял, сколько пришлось вложить сил, чтобы его построить.

Мы прошли в другое помещение, вот это уже понятно, что рабочий кабинет, если его назвать так по современным меркам. Настоящее мужское убежище, куда нет хода никому, кроме хозяина. Я даже полку с настоящими книгами увидел, чему искренне удивился, зная, сколько они стоят. Правда, на полке было только четыре фолианта, но и это для этих времён очень круто. Я знаю, сам купил одну такую, чтобы воины учились по ней читать. Как же они бережно её использовали, но для пяти десятков человек, жаждущих знаний, надолго её не хватит, как ни береги. Ничего, научатся. Жаль только, что она описывала какого-то святого. То ли Луку, то ли Стефана. Я не совсем понял, так, пролистал, проверяя, знакомые ли буквы, или иностранщина какая.

Присев на удобный, обитый тканью стул с высокой спинкой и подлокотниками, я принял непринужденную позу, положив локти на подлокотники и сложив руки. Стал играть большими пальцами, вопросительно поглядывая на посадника. Это он меня пригласил, вот я и ожидал продолжения.

– Хм. Кажется, Артур Кириллович?

– Именно так. Мой отец Кирилл Второй, царь Российский. Я у него третий сын и имею по сословию звание княжича. Как третий сын, наследником не являюсь, поэтому решил попутешествовать, волей Творца оказался тут, на прародине наших предков, – ложь легко слетала с языка и ничего мне не стоила.

– Вы хотите сказать, что царство, о котором мы ничего не слышали, происходит от нас?

– Скорее да, чем нет. Много выходцев с Руси осело у нас, впоследствии образовалось царство, которым в данный момент правит мой отец. Даже язык несколько схож.

– Немного стало понятно. Теперь давайте поговорим о незаконном захвате предприятий Глазова, – продолжил посадник, вернувшись к деловому виду.

– Почему незаконном? – удивился я, открывая портфель и доставая документы. – У меня все бумаги на руках, можете ознакомиться.

Посадник минуты три изучал все три договора купли-продажи, как я их называю, в местной терминологии название у них было другое. Но я не заморачивался и не запоминал. Моя терминология логичнее, и запоминать не надо всякую ненужную шелуху.

– Да, всё верно, – нехотя признал посадник, возвращая бумаги. Похоже, руку бывшего посадника и воеводы он хорошо знал, не зря я старался.

– Я не понял вашего недовольства. Вы расстроены, что не успели купить их? – закинул я удочку, закрывая портфель.

– Да, – честно ответил посадник.

– Для закрепления хороших отношений я вас порадую. К концу лета, то есть после сбора урожая, я отплываю со своими людьми в Новые Земли, что номинально принадлежат нашему царству, но не заселены. Хочу создать своё княжество, раз появилась такая возможность. Перед

отплытием я распродам всё имущество. Могу уступить их вам по той же цене, что и купил, даже можно бартером, вещами то есть. Как вам, Михаил Петрович, такое предложение?

– Мне оно нравится, но вы ведь, княжич, что-то потребуете взамен?

– Конечно, – кивнул я с улыбкой. – Я отплываю с ограниченным числом мастеров. Вот если бы вы позволили моим людям поучиться на ваших предприятиях, включая бумагоделательное, что стало вашим после гибели в огне Глазова, то мы договоримся. За обучение я уплачу.

– Я согласен, хорошее предложение. Какие у вас планы на будущее?

– Набираю работников для города. Куплю холопов для своих земель, расселив их по деревням и селам. Куплю корабли, подготовлю команды и отплышу. Не буду загадывать, но возможно, следующим летом вернусь. Людей мало, буду покупать холопов. А то они у вас мрут, как мухи, от голода и болезней.

– Хорошо. В таком случае у меня нет к вам, княжич, никаких претензий, даже за то, что вы выпороли моего ближнего слугу. Понимаю, сам виноват, за грубость получил, за то прошу прощения.

– Мне тоже понравился наш разговор. У меня есть помощник, Сергей Руссов, приказчик. Именно через него и будем проводить людей для обучения. Я пришлю его к вам сегодня вечером. Обговорите условия и плату.

– Этим займётся мой ближний помощник. Не тот, которого выпороли, другой. Он достаточно умен и справится с этой задачей.

– Вот и хорошо. Я надеюсь, у вас нет больше ко мне вопросов? – вставая со стула, спросил я.

– Только один. Расскажите про вашу встречу с воеводой Глазовым.

– Да встреча как встреча, – вернувшись на место, ответил я. – Это было вечером, ещё до темноты. Мой человек сообщил, что приказчик Глазова, некий Грищенко, пустил слух о продаже некоторых производств. Я заинтересовался и повстречался с Глазовым. Там ещё был посадник, и, кажется, они были в ссоре. Но к моему удивлению, продажа прошла без проблем, и я вернулся на свой корабль.

– Хм. Странная история там произошла. Похоже, враги изничтожили воеводу. Мы нашли тела охранников и челяди. Все мертвы. Да и у посадника странный был пожар, – задумчиво пробормотал посадник. – Аптека эта ещё.

«Оп-па, а о девке ни слова! Странно», – подумал я.

– Про аптекаря я знаю. Нанял его к себе на службу.

– Мои люди осмотрели все три пепелища, никаких следов врагов. Даже странно.

– Я в этом мало понимаю. Моё дело – битвы на поле брани, – пожал я плечами, показывая свою несостоятельность в подобных делах. – Думаю, боярыня Красновская уже задалась.

– Ах да, – очнулся посадник и встал, протянув мне руку: – Очень приятно было с вами познакомиться. У меня будет к вам один вопрос. Вы отбываете на свободные земли, набирая только холопов и свободных людишек, или берёте и бояр тоже?

– Почему нет? Если только он купит себе корабль. На моих, к сожалению, места нет и не планируется. Только для челяди, грузов и животины. К чему это вопрос, боярин?

– Меня попросили поинтересоваться некоторые граждане нашей республики.

– Вот как? – задумчиво протянул я. – Весной у вас была битва с войском московским, и хоть номинально была ничья, фактически вы проиграли. Скоро Новгород присоединится к царским землям. Некоторые бояре, что против московского царя, поняли – скоро их свободе и, скорее всего, жизни наступит конец, и ищут выход из этой ситуации, не так ли?

«Историю я не помню, и не знаю, когда присоединится Новгород к Москве. Сейчас середина лета тысяча четыреста семьдесят седьмого года, и вполне возможно, это время перелом-

ное для Новгорода. Правда, я его поломал, завернув царя обратно, но в то, что он отступит, не верю. Это только отсрочка», – подумал я.

– Это так, – тяжело вздохнул посадник.

– Передайте вашим друзьям, что я не против их участия. Выделю земли по тем деньгам, что они смогут вложить, и их клятве верности. Все земли там принадлежат мне. Хотите купить – пожалуйста, выделю. Своим воинам, которых я буду поднимать в боярское сословие, землю буду дарить за службу. Холопов уже пускай они сами покупают.

Ещё немного обговорив время отплытия, я попрощался с посадником, который проводил меня до крыльца (что было знаменательным событием, Стариков явно показал всем, что признал меня), сел в повозку, и мы выехали со двора посадника. Следующим у меня по плану посещение змеиного гнезда Красновских.

Скажу честно, особо к этой хамке ехать не хотелось. Может, тогда она всё высказала в запале, да наверняка так, но вот плюнула от души. А я парень внимательный, не злопамятный, просто злой, и память хорошая. Так что отправился я к ней только по одной причине: выкупить «своих» людей. Моими они окончательно станут, когда у меня на руках будет подтверждение купли-продажи. Причём выкупал я не только их, но и их семьи. Свободным я кину клич, предлагая отправиться на новые земли, а вот купленные холопы отправляются со мной независимо от желания. Хотя подневольные мне были не нужны, если кто откажется, оставлю тут. У меня здесь посольство будет, кто-то же должен за ним следить.

Что-то я отклонился от темы. Короче, быстро отмучаюсь, выкуплю людей и свалю.

Шумно стуча колёсами по деревянным плитам, что устилали дорогу – местный ответ грязи, повозка подкатилась к знакомым воротам. Так-то деревянные тротуары были на всех улицах – острая необходимость в дожди и слякоть, но вот покрытые деревом улицы были только в богатых районах и у кремля.

Никого из своих офицеров брать я не стал, только охрану, переговоры планировались недолгими.

Ловко покинув повозку, я хмуро осмотрелся, мне была неприятна встреча с боярыней, поэтому не стоит говорить, что настроение у меня было не очень.

Улица не сказать что была пуста, народу хватало, к тому же при нашем прибытии распахнулись ворота и выглянул давешний дедок. Только в этот раз с улыбкой до ушей – лучше бы не улыбался, не больно мне хотелось знать, что у него два зуба осталось – и вычищенной бородой. Низко кланяясь, он отворил ворота и отступил в сторону, ожидая, когда я пройду во двор.

На крыльцо вышла боярыня с ковшом в руках. Ольги Капитоновны, хозяйки дома, на крыльце не было, но это понятно, в возрасте старушка, однако присутствовала и племянница Кузьмы Михайловича, Анна Рюриковна. Обе принаряжены, явно в своих лучших платьях.

– Если через час не вернусь, начинайте штурм дома, – хмуро бросил я старшему охраны. То, что нас слышал старик, меня волновало мало.

– Понял, – так же хмуро ответил десятник, с подозрением оглядываясь. Он присутствовал во время прошлого посещения мною этого дома и добрых чувств к хозяевам явно не испытывал.

Поправив сабли на поясе, я ступил на территорию двора и, на ходу осматриваясь в поисках опасности, приблизился к крыльцу.

– Здрав будь, Артур Кириллович, – проворковала боярыня. – Прими это питьё от чистого сердца.

Приняв из рук боярыни ковш, я с подозрением принялся, с тем же выражением покоился на неё и выпил сбитень до дна, показывая, что у меня нет претензий к хозяевам и я не имею к ним чёрных помыслов. Глупая традиция, как раз имел я их. Мысленно, естественно.

По традиции расцеловав боярыню и чмокнув в щёчку племянницу, я произнёс:

– Благодарствуй, боярыня.

Та немного порозовела, но кивнула и пригласила проходить в дом. В этот раз меня ждал стол, уставленный яствами. Ещё когда я шёл по двору, заметил перемены. Появилась дворня – троих заметил, шёл ремонт двух построек, да и в доме появился достаток. Я так понимаю, хозяева воспользовались моим золотом. До сих пор помню их лица, когда швырнул на пол мешочек с золотыми монетами.

Среди встречающих, моего бывшего десятника – командира отделения лазутчиков, не было. Видимо, Михайлова отправили проверять усадьбу перед приездом боярыни. Во дворе стояла наготове повозка, и возница из двора возился с ней, смазывая оси.

Меня усадили за стол, кроме боярыни и Анны Рюриковны присутствовала и хозяйка. Мать Михалыча. Трапеза прошла в молчании, мы едва перемолвились двумя словами, да и то здороваясь на входе. Наконец я отодвинул тарелку со щами и, покосившись на пироги, решил отложить их на потом, с интересом посмотрел на Ольгу Капитоновну. И так было понятно, что главная тут она. Та намёк поняла правильно и взяла слово.

Пересказывать не буду, слишком витиевато та изъяснялась, но если убрать словесную шелуху, то разговор наш был вот о чём. Хозяева извинялись за свою прошлую встречу и просили не обижаться на слабых женщин, что поверили слухам, ходившим среди бояр. Меня эти слухи заинтересовали, но я решил оставить их на потом. В качестве извинений Красновские и решили передать мне запрошенных холопов по минимальной цене. Вот это мне больше понравилось, чем вся та шелуха, что посыпалась вначале.

Был позван сосед, боярин, и он выступил свидетелем при покупке холопов. Почти час заняло перечисление имён купленных холопов, но наконец и эта работа была закончена, и бумаги на людей, убранные в тубус, были отправлены мной охране – они проследят. После этого я коротко попрощался с хозяевами, решив покинуть дом с боярином-свидетелем, но, видимо, насчёт меня у них ещё были планы, поэтому Ольга Капитоновна попросила задержаться на несколько минут. Боярыня и Анна вышли, и мы остались с хозяйкой вдвоём.

– Артур, я понимаю, что ты всё ещё таишь на нас обиду, но прошу тебя не забывать о нас и навещать. Хотя бы изредка. Ты должен помнить, что носишь фамилию Красновских.

– Александров моя фамилия, а не Красновский, – пожал я плечами. – Михалыч просил взять его фамилию, сделав своим приёмным сыном, я действительно пользовался ею, пока плыл к Новгороду, но дальше не думаю, что она может мне пригодиться. Подумывал сделать двойную фамилию, но сейчас это желание пропало. Насчёт навещать вас – не думаю, что найду время. Я очень занят. Скоро мне отбывать на новые, ещё не освоенные, но богатые земли. Работы предстоит очень много.

– Если будет время, навести, мы будем ждать, – тихо попросила Ольга Капитоновна.

Поняв, что аудиенция закончена, я коротко кивнул и, выйдя из зала, проследовал к выходу. Слуга шёл впереди, показывая дорогу, как будто я её не помнил.

«Ага, в ваше змеиное логово я ни ногой. Ну вас на хрен», – подумал я и с облегчением покинул неприятный мне дом.

Вернувшись в повозку, которая продолжала стоять на улице под охраной, я весело бросил вознице:

– Обратно на пристань!

Оказалось, пока я выкупал своих людей (ничего, помучился, общаясь с неприятными для меня людьми, но зато холопы теперь мои), Федор на малом ушкуе спустился по реке, пройдя под мостом. Так что ушкуй, который я выбрал, чтобы осмотреть продаваемые земли, дожидался меня у пристани чуть дальше от моста. Об этом мне сообщил часовой на нашей пристани, где стояла «Беда». Сходив на борт ушкуя, я убрал бумаги купли-продажи в сундук и, прихватив с собой ещё один мешочек с серебром, вернулся к повозке, приказав вознице везти меня на нужную пристань. На какую, я тоже сообщил. Через пятнадцать минут я со своими

охранниками уже был на борту малого ушкуя и отдал приказ немедленно отчаливать. Молодой кормчий, капитан этого ушкуя, сразу же заорал, отдавая приказы. А Федор отошёл в сторону, к одному из бортов, и встал рядом со мной. Он был капитаном «Беды» и плыл в качестве пассажира.

Все нужные приказы по переделке насадов под наши нужды он уже отдал, поставил опытного помощника, чтобы следил за работами, а сам решил развеяться со мной.

Кормчий знал, куда нам нужно и где находятся заинтересовавшие меня земли, поэтому правил уверенно. Наконец спустя полтора часа он свернул в небольшую заводь, где у пристани стояло два судна. Стояли бортом друг к другу, места для двух там не было, так что, опознавшись с вахтенным на ушкуе местного владельца земель, мы причалили к нему.

– Барин в усадьбе, – сообщил матрос, завязывая брошенный ему конец.

Кивком подтвердив, что принял эту информацию, я с Федором и одним стрелком спустились сперва на борт ушкуя, потом ладьи и только потом сошли на пристань. Там нас уже дождался кто-то из местной дворни. В усадьбе уже знали, что прибыл ещё один дворянин, и готовились к приёму, поэтому паренёк вёл нас неторопливо, давая своим хозяевам время. Да в принципе, и мы не особо спешили, осматриваясь.

– А мне нравится, – негромко извещил я.

– Справные земли, – кивнул Федор, тоже с интересом осматриваясь.

* * *

Дёрнув головой, я с раздражением посмотрел на старенького сухонького попа, который вот уже второй день ходил за мной хвостом и нудел, нудел. Суть требований этого представителя местной церкви сводилась к тому, что я был обязан – это не была просьба, это было требование – взять с собой священников и обеспечить их всем необходимым. Ещё когда припёрся первый, я ясно дал понять, то есть прямо сказал, что мне нахлебники не нужны, если хотят плыть с нами, пусть нанимают корабль. Местные рупоры с богом этого не захотели, привыкли жить на халяву. Так что вот уже второй день, как я их отшил, но те поступили мудро. Прислали мне этого старикашку в рясе, тот постоянно ходил за мной хвостом. Уж сколько охрана его гоняла, всё равно выскакивал как чёрт из табакерки. Вот и сейчас прохожу мимо тюков с тканью, сложенных на пристани, как он выскакивает из-за них, проскальзывает между ног ближайшего охранника и нудит: «Возьми попа и дьяка, ну-у возьми-и-и!»

Погладив виски – у меня уже голова заболела от этого попа, – я подошёл к борту насада и, быстро осмотревшись, развёл руками, как будто вдыхая воздух и зевая. В это время у въезда заехавшая на пристань телега с очередным грузом сломала колесом гнилую доску настила и завалилась набок. Громко ржала лошадь, вставая на дыбы, но построжки крепко её держали, кричал возница. Это на миг отвлекло присутствующих на насаде, поэтому моего взмаха никто не заметил. Только один из пятнадцатилетних матросов удивлённо обернулся и посмотрел на пузыри, что поднимались на поверхность, и на расходящиеся круги.

Местные плавать не особо умели, это только подчиненные мне люди делали с охотой, следуя моему примеру, даже приказывать не надо было, так что большая часть стрелков и членов команд умели плавать. Думаю, в будущем им это пригодится.

Сплюнув вслед ушедшему на дно дьяку (или кто он там по церковному сану?), я с удовольствием огляделся, посмотрел на телегу, которую уже разгрузили, и повернулся к подошедшему Немцову, которого назначил старшим капитаном. То есть он отвечал за техническое оснащение *всех* наших кораблей, всех семнадцати единиц. Да, вот так вот понемногу мне удалось собрать эту флотилию.

– Всё готово. Сейчас загрузим последнее, мешки с семенами. С теми зёрнами, которые ты заставил женщин перебирать, выбирая только крупные и без трещин.

– А-а-а, посевной материал? – кивнул я.

С посевным материалом я действительно несколько перемудрил, но считал, что поступил правильно. Мои люди покупали на базаре мешки с зерном и перевозили их на двор снятого дома. Где женщины и девушки, даже девчата из семей холопов, за небольшую оплату из всего этого выбирали самые здоровые и крупные зёрна и складывали их отдельно. Остальное продавалось на базаре. Дохода от этого не было, даже был расход, но зато теперь есть что садить. Я и в будущем так же собирался делать. Крупные зерна на посевы, остальное на еду.

– А холопки как, отправили уже? – спросил я.

– Да, на шести телегах в усадьбу отправили, завтра там будут, как раз к отплытию успеют. Авдей им в охрану десяток отрядил.

– Это хорошо, – удовлетворённо кивнул я. – Как закончится погрузка, сразу же отплываем и идём к усадьбе. Пора уже.

Последнее я сказал скорее самому себе. Ещё неделя, и будет поздно отплывать. Приближалась осень, и я надеялся до штормов успеть выйти в Атлантику. Там будут шторма, но я знал, где нам их переждать, более того, этот остров я собирался сделать перевалочным пунктом и объявить его княжескими землями, посадив там боярина и дав ему людей для охраны с парой пушек да холопов в деревушки. Правда, у него и свои есть, четыре семьи, но и мои там пригодятся. На острове мы построим крепость и дома для двух, а то и трёх деревушек. Благо лес там был.

Наместником на остров я выбрал бывшего старшего десятника Ивана Стольничева. Это был уже взрослый воин тридцати трёх лет от роду, спокойный, рассудительный и, главное, достаточно хозяйственный. То есть присмотр ему не нужен, котелок у него вполне неплохо варил. Думаю, поставить его наместником – самая лучшая идея. Кроме тех земель, что я нарежу ему на самом острове, так ещё на континенте выделю земли. Пусть поместье там со временем ставит. Люди, скорее всего, к этому времени будут. Это у нас первый рейс.

Что-то я заторопился, думаю, нужно более подробно рассказать, как прошли для нас эти три месяца. Очень сложно прошли, я бы сказал. В спешке и в больших объемах работы, которые нам необходимо было разгрести.

– А где этот поп? – покрутив головой, спросил Немцов, отвлекая меня от размышлений.

Не только меня, но и команду старикан задолбал, так что не думаю, что кто-то расстроится его пропаже.

– Поплавать он решил, – лениво ответил я.

– А он умеет?

– Ну, сейчас-то понятно, что нет, – усмехнулся я и сел на один из пустых новеньких бочонков, заготовленных нами для перевозки воды во время плавания. Рядом стоял большой бочонок, о который я оперся плечом, и предназначался он к отправке на транспортное судно для животных.

– Ладно, пусть его, – махнул рукой Федор и побежал проверять, как закреплён груз, а я отошёл к борту, чтобы не мешать команде работать. Там, облокотившись о фальшборт, стал вспоминать, что предшествовало всем этим беспокойным дням. Да-а, пришлось тогда побегать и покрутиться, формируя эскадру, но надеюсь, всё пройдёт благополучно, ведь ни много ни мало, а требовалось перевезти порядка тысячи человек, не считая скотины. Из них почти шестьсот человек были моими людьми. То есть триста человек – крестьяне и холопы, а остальные – будущие горожане, строительные бригады, лавочники, рабочие моих будущих предприятий и купцы, свободные люди. Остальные людишки принадлежали тем, кого я ввёл в боярское сословие, выдав каждому соответствующие бумаги. Их набралось аж восемнадцать человек. Немцов и Корнилов входили в их число.

Поглядывая на работу команды – пристань уже осталась за кормой, – я задумчиво смотрел на Новгород, окраины которого мы как раз проходили.

Три месяца, три долгих месяца, но итоги этих нечеловеческих усилий дожидались нас у усадьбы. Там, у крутых берегов моих земель, стояли шестнадцать кораблей, дожидаясь нас и приказа на отплытие, а на берегу горели костры, и в шалашах жили холопы, подразделения стрелков и свободные люди, что решили отправиться с нами и поискать счастья на новой земле.

Рассказывать подробно, как всё собиралось, это долго, за час, что мы будем идти до места сбора, никак не успею, так что расскажу кратко.

Значит, так: после того моего второго и последнего посещения дома Красновских, я развил бурную деятельность. Сходил на малом ушкуе, который к настоящему времени уже продал Немцову, а тот передал его брату к усадьбе, о которой я знал, что её выставили на продажу. Там на месте сразу же договорился с хозяином и выкупил её, взяв в свидетели двух соседей. Те подтвердили законность сделки. Купил я не только земли, но и людей, что жили в трёх деревушках. Часть оставалась на месте, в основном старики, но почти все молодые отправлялись с нами. Их я забирал.

Потом была перевозка купленных холопов, включая боевых из стрелковой сотни и пушкарей, на свои земли, организация полевого лагеря и подготовка к отплытию. Золото и серебро утекали рекой, но к этому времени мне удалось собрать ту флотилию, что дожидалась нас у усадьбы. Мы даже дважды проводили учения на Ладоге. Последнее было неделю назад. Чему-то те научились, остальной опыт придёт во время плавания.

Готовился я серьезно, очень серьезно. Оружие, боезапас – это всё временные меры без материальной базы. Да, я сманил двух специалистов по выделке пороха и помощника мастера, что выделял пищали. Этим троим на новых землях предстояло создать оборонный завод. Пока фабрику, естественно, потом уж и всё перейдёт в обширные возможности. Может быть, и пушки лить начнут. Казнозарядные, естественно.

Я уже нашёл им отличного управляющего. Начальника завода и одновременно старшего инженера. Это один из пареньков-пушкарей, что делал изрядные успехи в усвоении знаний. Последний месяц я вёл отдельные занятия по часу каждый день, давая то немного, что знал сам. Так вот, Еремей впитывал эти знания как губка, так что, определив его интересы, я стал вести с ним индивидуальные занятия по механике и инженерии. Дал пока минимум, но и то хлеб. Надеюсь, в будущем он станет отличным инженером и начальником цехов.

Во время плавания будет много свободного времени, а он был на «Беде», подтяну выше знания его и ещё трёх заинтересованных, включая парня, что умеет делать пищали. Ему это тоже пригодится. Специалисты, мне нужны были специалисты, а где их взять, если не взрастить самому? Иностранцев нанимать я не хотел, и так мучаюсь с этим аптекарем. Как стал начальником, так нос задрал. Хотя десять помощников учит на совесть, этого не отнять, только это и сдерживало меня, чтобы не выпнуть его. Правда, со мной он держался ровно, но мне не нравилось его отношение к другим людям.

С местными боярами и князьями у меня сложились не то чтобы сложные отношения, но особо они меня не привлекали, хотя с посадником я встречался регулярно.

Обещание, данное посаднику, я выполнил: принял шесть бояр с семьями и некоторыми холопами на четырёх кораблях, так что моя флотилия увеличилась. Правда, выбор кораблей бояр вводил меня в сомнение. Одно так вообще было плоскодонным речным судном. Однако те заверили, что судно крепкое, команды опытные, мол, они уже к данам на нём ходили. Ну-ну.

То, что московский царь снова вышел к Новгороду, я знал, поэтому и торопился с отбытием. Со дня на день его полки должны появиться у стен вольного города. Встречаться с царскими людишками мне не хотелось, хотя у меня было полторы сотни стрелков и почти полсотни пушкарей, не считая тыловые службы. Даже от полка отбиться могу. Но зачем, если можно спокойно уйти, не теряя людей? Я и так уже раз двадцать пользовался своими умениями и вылечивал больных, покалеченных и тяжелораненых. Только своих, чужие меня не интересовали, хотя, несмотря на строгий приказ, слух о моих умениях начал расходиться. Стрелки уже

начали заворачивать первых паломников. Церковь ещё что-то носом крутит, подозрительно всё это.

В это время русло повернуло, и я рассмотрел впереди причаленные к берегу в ряд два десятка кораблей. Среди моих стояли и боярские суда.

– Рано утром начинайте погрузку, отходим в десять часов, – велел я Федору. Тот кивнул, принимая приказ.

Наш насад причалил к боку другого судна, и пока команда перегружала часть доставленного груза, в основном пустые бочки, я перепрыгнул на этот ушкуй, одно из наших транспортных судов для перевозки скотины и части людей, после чего по трапу спустился на землю. Потом в сопровождении двух охранников направился в сторону полевого лагеря, где, как муравьи, суелись люди. Пора отдавать последние перед отходом приказы, ведь завтра мы отчаливаем.

До вечера я инспектировал корабли, проверяя, как уложен груз и как обеспечены команды и пассажиры. Они пока находились на берегу, как и вся скотина, погрузка начнётся завтра рано утром.

Наконец перед самой темнотой я собрал всех своих бояр, пригласив и пришлых, которые мне на верность крест не целовали, и обсудил последовательность завтрашнего отплытия. То есть на ком погрузка, охрана и общее командование. Когда обсуждение было закончено, я оставил бояр, которые расходились по своим шатрам, а сам, вскочив на коня, направился в усадьбу. Это была последняя ночь, когда я ночевал в своих апартаментах.

Принял душ из ведра – меня облил один из дворни, что также отправлялся со мной – и поспешил к себе, где меня ждали две нимфы-постельничие. Обеим девушкам было по пятнадцать, старше нетронутыми было трудно найти, но и эти девушки из холопок были очень даже ничего. Обе мне нравились, честно скажу. Но, правда, скоро одной придётся искать замену – дня два назад меня обрадовали, что я стану отцом. Ничего, ребёнка признаю, будет у меня первенец, правда, не наследный. Наследными могут быть только от жён.

– Барин, – раздался звонкий девичий голосок, и меня затрясли за плечо.

Открыв глаза, я стремительно сел, ища опасность. Стоявшая рядом со мной ослепительно красивая девушка в восхитительном пеньюаре, который ничего не скрывал, сперва отшатнулась, но потом прижалась, что-то мурлыча на ухо. Вторая тоже проснулась и прижалась со спины. Они меня всегда так будили. Умницы, сам натренировал их за эти два с половиной месяца.

– Что, уже утро? – спросил я, с прищуром посмотрев на подсвечник, где горело три восковых свечи. За окном ещё было темно.

– Да, – промурлыкала девушка. – Совсем скоро рассвет.

– Ох, чертовка! – хмыкнул я, заваливая её на постель. Сперва с одной поработаю, а потом можно и второй заняться, которая сейчас ластилась ко мне.

Этих двух девушек я выкупил на рынке, где продавали закупов. Девушки ранее были из свободных горожан, но их родители разорились, и они оказались в закупах, так они и попали в мои руки. Хотя нет, вру. Так было с Ольгой, дочкой гончара, который взял большую ссуду, но разорился, попав в должники, а вот с Инной совсем другая история. Представьте себе молоденькую Шерон Стоун. Вот такая красавица мне повстречалась на одной из улочек, когда её зажимали трое ребятишек моих лет. Как оказалось, Инну считали ведьмой с плохим глазом и решили проучить. Она была сиротой, проживала у дяди, который её тоже не особо любил, так что девушка, поглядывая на избитых «ухажёров», которые не успели совершить насилие, сексуальное, естественно, охотно согласился пойти ко мне в услужение. Ну, а там завертелось, и они стали моими постельничими. То есть их обязанность – согревать меня своими телами

зимой, помогать раздеваться-одеваться и следить за постельным бельем. Вот и все их обязанности. Остальное всё добровольно. Вон, одна уже залетела.

Обе девочки достались мне нетронутые, соответственно неопытные, так что я тратил немало своего ночного времени, чтобы их хоть чему-то научить, ну и себя не забывал, спермотоксикоз отступил надолго.

Закончив с девушками, в смысле миловаться, я провёл помывочные процедуры, не забыв почистить зубы специальной щёткой с ворсом из конского волоса, и направился завтракать. На стол уже накрыли, как сообщил служка. Кстати, с девушками я намиловался наперёд, потому как в плавании это будет делать сложно. Корабли были загружены до предела, даже у меня в каюте по плану будут проживать, кроме нас с девушками, ещё четверо. Спать они будут на своей рухляди – это означало матрасы и подушки – на полу. Эти четверо были моими людьми – дворецкий, что будет отвечать за мой будущий дом, его жена, знатная повариха, завтрак как раз она приготовила, и две женщины, которым было по тридцати лет, служанки, купленные мной в холопки. Также в каюте будет стоять три бочонка с водой – питьевая вода на первое время, ту, что находится в трюме, мы оставим напоследок, там прохладнее, не так быстро стухнет. Правда, серебро я решил не жалеть, и оно будет в каждом бочонке. За сохранность серебра будут отвечать специально назначенные люди.

Всем холопам я объявил, что после пяти лет службы у меня они автоматически получают вольную и могут или остаться со мной и продолжать работать, но получая за это нормальную заработную плату, а не сущие гроши, или заниматься своим делом. Я собирался спонсировать будущих фермеров, чтобы у меня на земле выросли крепкие фермерские хозяйства, стоявшие на нескольких гектарах. Но тут всё упиралось в лошадей, крестьянам из всех я мог выделить только половину, остальная мне была нужна для воинских подразделений. Кто пушки и обозы мне будет тянуть? А для вестовых, что будут поддерживать сообщение между поселениями? Тоже надо.

После завтрака, когда уже совсем рассвело, я направился в сторону стоянки судов. В усадьбе стоял переполох, те из дворни, кто отправлялся с нами, двинулись следом. На стоянке тоже было не всё спокойно, шла погрузка живности и людей. Стоял крик, мат, ржание, блеяние, меканье, кудахтанье и мычание. Гвалт стоял приличный. Однако несмотря на это, шло всё достаточно организованно, если где возникали проблемы, туда сразу же устремлялись люди, ответственные за погрузку.

Пройдя на борт «Беды», я пропустил в каюту свою прислугу, в смысле девушек, остальные слуги ещё не прибыли, и дал им время устроиться.

Погрузка была закончена где-то к десяти часам дня. Те, кто уже загрузился, отходили от берега и медленно дрейфовали вниз по течению, возглавляла флотилию моя «Беда». По сравнению с другими кораблями, она не была особо большой, но её мореходные качества меня вполне устраивали, к тому же, как и у других кораблей, корпус был обшит медными листами. Я скупил почти всю листовую медь, но сделал всё, что хотел. Теперь я не боялся теплых вод Атлантики.

– Последнее судно отошло, – сообщил подошедший Немцов. Река тут текла прямо километров на шесть, так что стоянку ещё было видно.

– Хорошо, – кивнул я и, ухватившись за натянутый канат, скомандовал: – Увеличить скорость!

Так началось наше шестимесячное плаванье. Два месяца нужно идти до того перевалочного островка, который я решил назвать остров Русский, там пару месяцев пережидаем штормы и ураганы, и после того, как они стихнут, пойдём уже к самому континенту Америке, а оттуда и до Кубы.

Основные поселения, конечно же, будут на континенте, примерно в районе штата Южная Каролина, где она была в моём мире. Но и на Кубе я создам поселения. Кроме них я собираюсь

построить перевалочные поселения, четыре. Это тот самый остров Русский, потом второе на побережье в районе современного мне Нью-Джерси, третье на месте Норфолка и четвертое в районе Чарлстона. Корабли, что будут ходить на Русь, будут стоять там, проходить докование и ремонт, команды – отдыхать. Для моих кораблей, то есть княжеских, там будет выдаваться продовольствие и вода бесплатно, а вот для купцов наоборот – платно. Поселения будут принадлежать мне, то есть они будут считаться княжескими. Со временем они будут разрастаться в города, деревушки, села, фермерские хозяйства и раскинутся на много километров. Так и происходит колонизация. Главное, с аборигенами договориться и выкупить у них эти земли. Наладить торговлю и сотрудничество.

Шесть кораблей, что шли в составе флотилии, включая «Беду», это будущие сторожевые корабли береговой охраны. Их задача – патрулирование береговой линии и сообщение между поселениями. Я уже стал набирать будущих морских офицеров, пока командовать ими будет Немцов, но после того как возрастут другие офицеры, он уйдёт на покой и передаст эту должность подходящему офицеру. Однако это всё планы, не более. Главное – доплыть.

– Доплывём, – негромко, но уверенно сказал я и, упрямо склонив голову, посмотрел вперёд. Скоро будет Ладога, а там Финский залив, Балтийское море, проливы Дании и Атлантика. Потом Шотландия, закупка там воды и продовольствия, месяц плавания, остров Русский, потом ещё месяц плавания и, наконец, Америка. Наша цель.

К моему большому удивлению, никаких проблем, ни погодных, ни тем более людских, мы не испытывали, пока выходили к проливам.

За восемь дней, ориентируясь по самому медленному кораблю, хотя я такие старался не брать, мы прошли Балтику. Причём шли не у побережья, а пробуя себя для будущих долгих плаваний по океану – прямо. Курс прокладывал я, соответственно «Беда», как флагман, шла впереди. Остальные, пока неумело, выбиваясь из строя, шли за мной двумя колоннами.

Корабли нам встречались, и надо сказать, только у побережья и в немалом количестве. Кстати, таких больших флотилий мы больше не видели, максимум семь кораблей было, правда, такие же лоханки, как и у нас, но зато настоящие парусники, а не как у нас – с косыми парусами. С такими парусами, конечно, можно идти круто к ветру, но вот о скорости можно только мечтать. Жаль, тот фрегат капитана-франка прибрать не получилось. Он то ли почувствовал что, то ли действительно торопился, но однажды утром выйдя на палубу, я обнаружил, что фрегата на месте стоянки нет. Вот так и порушились мои планы взять с собой ещё десятка три крестьянских семей.

Кроме всего прочего, Балтика и проливы дали командам и капитанам тот уникальный опыт, что мог пригодиться в будущем. Трижды к нам направлялись военные корабли, только однажды это было сразу два боевых военных корабля, но когда им навстречу вышло сразу четыре оппонента и окутались дымом холостых выстрелов из корабельных пушек, все капитаны военных кораблей предпочитали молча ретироваться. То есть тактика была выбрана правильная.

К тому же это были не все мои планы. Кораблей много, если встретится англичанин, возьму его на abordаж. Без всяких сомнений и терзаний. Мне нужны были корабли, а нагличане неплохие корабелы. Так что будем расширяться. Именно поэтому я шёл с таким перегрузом. Вон, к трём судам были привязаны большие рыбацьи баркасы с высокими бортами, так даже в них кроме пары матросов находилось по две крестьянские семьи. Я же говорю, шли с перегрузом. Я не имею в виду, что с двойным, но места реально не хватало.

Скажу честно, с теми пассажирами, что были с нами, на тех кораблях, которые были в наличии, Атлантику нам не переплыть. Много ртов, вода уходила просто бешено, так что нам волей-неволей придётся брать на abordаж корабли для увеличения количества транспортных

средств и шансов пересечь океан. Правда, скажу честно, именно это я и планировал делать, когда брал с перегрузом людей.

Особых проблем с плаванием не было, только технические, но это в основном из-за отсутствия опыта у команд и капитанов, и со временем разных ошибок становилось меньше. Так что пока они справлялись. Сложнее было с крестьянами и рабочими, будущими горожанами. Они знали, что их везут на новую богатую землю, и знали, что плыть требуется долго. Но в их понимании долго – это несколько недель, а никак не несколько месяцев. Так что пришлось искать им занятие.

На эту проблему мне указал Корнилов, говорил, что от безделья могут быть беспорядки, да я и сам это знал, так что пришлось выдумывать для пассажиров работу, чтобы занять их время и не давать думать о мирском. То есть паниковать. Мужиков в основном определили к вёдрам и тяжёлой корабельной работе, команды этому были только рады. Корабли текли, не помогла даже обшивка из меди. Текли не сильно, но черпать воду из трюма приходилось часто. Вот они два раза в день вставали в вереницу и передавали друг дружке брезентовые вёдра. Но эта работа по часу два раза в день не могла их надолго занять. Пришлось искать и другую, как для них, так и для женщин и, надо сказать, вездесущих детишек. Действительно везде ссали, пока их не приучили к туалету розгами.

Проблему работ для мужиков и женщин решили капитаны кораблей, на борту всегда хватало мелкой судовой работы, так что заняты были все. А если работы не было, её придумывали. Мои подчинённые, я бы сказал, правильнее вассалы, знали, что делать, а с моими подробными объяснениями, что будет, когда пассажиры запаникуют, очень ответственно подошли к задаче занять их работой. Так что эта неделя пролетела для наших пассажиров как один день. У многих оказалась морская болезнь, вот для них эта неделя прошла как один месяц. Но и они тоже со временем пообвыкли.

– Датский пролив впереди, – сообщил я стоявшему рядом Немцову, на которого и было возложено общее командование флотилией. Я же был главным и, честно сказать, единственным штурманом, хотя на это дело активно учились и практиковались четверо пареньков.

– Рядом с берегом пойдём?

– Нет, – покачал я головой, посмотрев на закат. – Темнеет. Ложимся в дрейф и переживаем ночь. Сейчас идти опасно, это не в Балтике, там было легче. В Атлантике будет так же, идти будем и днём, и ночью, как мы это делали, выйдя из устья Невы.

– Вода у нас подходит к концу, пора набирать.

– М-да, расход куда больше, чем я думал, хотя мы и ввели систему жёсткого контроля за расходом воды, – опустив подзорную трубу, задумчиво пожевал я губами. – Федор, ты пока занимайся своими обязанностями, отдай приказ на ночёвку. Только не как в прошлый раз. Снова ремонтировать на ходу нос «Лилии» нет ни желания, ни времени, и так пробоину заделали кое-как. Пройдем проливы, надо будет серьезно заняться её ремонтом.

– Сейчас уже появились умения, опыт, как ты говоришь. Справятся, – уверенно ответил Немцов и, коротко кивнув, направился на корму отдавать требуемые приказы, я же, посмотрев ему вслед, со щелчком сложил трубу и, убрав её в чехол на ремне, направился к трюму. Нужно посмотреть, сколько воды осталось, и прикинуть, сколько мы сможем проплыть по океану с полными запасами с тем количеством народу, сколько находится на кораблях.

Один я не полез, прихватил помощника капитана, который отвечал за воду и продовольствие, а также за их распределение. Тот тоже один не полез, а кликнул двух отдыхающих у борта крестьян, парней лет двадцати пяти на вид. У одного как раз на коленях играла малышка лет трёх. Те без разговоров встали, отец передал ребёнка подскочившей матери, и они последовали за нами.

В течение часа при свете масляного фонаря мы ворочали бочки. Выяснилось, что в двух оказалась подпорченная вода, в неё попала трюмная вода.

Под конец одна из бочек, что была с меня размером, сорвалась с подпорок на крутой волне – мы лежали в дрейфе – и прокатилась по ноге одного из крестьян, отца той малышки. Раздался хруст костей и сдавленный стон. Парень смог сдержать крик.

Первым делом мы втроём, я тоже не чурался тяжёлой и грязной работы, за что был уважаем не только вассалами, но и простыми крестьянами и рабочими, вернули бочку на место, чтобы она не успела натворить разрушения куда более страшные, чем раздавленная нога.

После этого я склонился над бледным парнем и наложил на его ногу свои руки. Ефрем, помощник капитана, был со мной давно, я его ещё в Новгороде подобрал, так что мои действия его не удивили, хотя смотрел он и с интересом, а вот оба крестьянина были не просто шокированы тем заживлением, что произошло на их глазах, они буквально благоговейно смотрели на меня. Парни не могли не заметить свечение, что исходило от моих рук.

Я не мог не воспользоваться этой ситуацией. Сейчас объясню, почему.

Церковь. Церковь и христианское вероисповедание встали у меня колом в горле. Большая часть крестьян, что я взял с собой, были насильно переведены в христианство и не сказать, что радовались от этого. Большая часть горожан тоже христиане. Были и истинно верующие, но таких было мало, однако я не мог не взять их. Без спецов в некоторых сферах мне будет трудно. В общем, чтобы что-то противопоставить церкви, я решил создать свою веру и даже уже составил некоторые догмы.

Если кратко, то по новой вере дело состояло вот как. Бог у нас Творец, его символ – это солнце. Он отвечает за все направления, специалист, так сказать, широкого профиля. Я верховный жрец будущего храма Солнца, который будет стоять в столице моего княжества. Кроме меня уже есть трое младших жрецов, которым ещё предстоит подняться по иерархической лестнице. Там пяток пунктов, если они их преодолеют, то получают сан жреца или главного жреца. Последние саны будут иметь только главы храмов. В приходах и простые жрецы могут справлять службы. Выше только сан верховного, и его имею только я, больше никто другой, только преемник.

Заветы Творца были похожи на христианские. Тоже не убей (без повода), не укради (если не трофей), не возжелай жену ближнего своего (если он рядом), ну и так далее. Только несколько отличий было от заветов христианства. Первое – кровная месть, Творец благоволил к мстящим. Я даже в закон княжества вписал несколько пунктов о кровной мести. Так что мстящий, подав официальную заявку в администрацию населённого пункта, не будет привлечён к суду в случае смерти его оппонента. Второй пункт – это двое- и троежёнство. Крестьянам разрешалось иметь не более двух жен, если они в состоянии их прокормить, дворянам и жрецам не более трёх. Князю и главному жрецу уместно иметь пять жен, в прямом и переносном смысле. Про наложниц никто не говорил, это по желанию бояр.

Многожёнство было одним из способов привлечения прихожан в наши ряды. Были желающие и немало, особенно из моих стрельцов и пушкарей. Среди холопов их было куда меньше. Перед отплытием многие стрельцы, что перешли в мою веру, взяв ссуды, женились. Некоторые дважды, таких было шестнадцать человек.

Кроме меня на флотилии находилось ещё трое жрецов. Это были мои старые воины, с которыми я уходил из Крыма. Двое уже были в возрасте, и это было идеальным для них продолжением жизни, третий был куда моложе. Старики уже никогда не перепрыгнут саны младших жрецов и до конца жизни будут вести литургии в храмах, разводить и женить, благословлять и освещать. Те пять пунктов, про которые я говорил, были написаны не просто так. Главный пункт – это умение писать и читать, а оба пожилых храмовника этого не умели, хотя и старались выучиться по минимуму.

С момента создания этой веры все трое получили неплохой опыт, они проводили богослужения, принимая в наши ряды новых верующих, было около сорока свадеб, освящение новорожденных, ну и похороны тех, кто не дождался отправки. Жрецы пользовались уваже-

нием среди крестьян, но не сильным. Про свои умения я молчал, не хотел, чтобы об этом пошли слухи и узнали в Великом Новгороде, и приказал молчать остальным свидетелям из своих людей.

Сейчас это уже не требовалось, наоборот – нужно показать свою святость, чтобы привлечь новых членов, так как из всех людей на флотилии всего треть адепты новой веры, остальные – сочувствующие и сомневающиеся. Вот я и хотел этого паренька пригласить в жрецы – молодой, со временем поднимется выше, а пока побудет стажёром, это младший сан перед младшим жрецом. Этот крестьянин – идеальная фигура для этого, тем более я видел, что он пользуется уважением среди других моих холопов. Сын мельника, непростая фигура.

Мои слова, можно сказать, суть предложения, что я ему выложил, вызвали огромную радость у Ефима, как его звали. Тот, надо отдать ему должное, с минуту подумал и дал согласие. Так у меня появился ещё один священник.

«Святую книгу» – прототип Библии – я уже почти написал, сейчас дополнял, но многое уже было претворено из неё в жизнь. Например, мантии жрецы могут носить как в храме, так и на улице, но последнее не обязательно, главное, чтобы они были на богослужении. На улице жрец может ходить в обычной одежде горожанина, но обязательно с отличительным знаком. Нагрудный символ Творца у нас был не крестик, а пластинка с изображением солнца. На ней нижние лучи солнца были длиннее. Такие знаки, но небольшого размера, выдавались всем новым членам. Что уж говорить, мне приходилось постоянно носить такой знак верховного жреца, у других жрецов они были чуть меньше моего, но больше, чем у обычных прихожан. Вот и все отличия. Разве что только могу добавить, обычные верующие могут носить знак под одеждой, а вот жрецы обязательно поверх неё. И ещё у простых прихожан они были медными, у жрецов серебряные, а у главного, то есть у меня, золотая пластина.

Вернувшись на палубу, я отпустил остальных помощников и с Ефимом прошёл к себе в каюту, где, выгнав всех пассажиров, в торжественной обстановке принял нового члена нашего культа, выдав ему мантию и нагрудный серебряный знак. Мой ювелир их три десятка наготовил, причём все с номерами на обратной стороне. Ефим же мне вернул свой, малого размера. Как оказалось, Ефим уже был нашим прихожанином. Я об этом, кстати говоря, не знал. Не я его принимал.

Сообщив ему, в какое время завтра начнутся уроки – придётся уменьшить уроки по другим дисциплинам, чтобы втиснуть Ефима, ведь жрец в принципе не может быть безграмотным и не знать всех священных заветов, – я отпустил стажёра, который, накинув мантию, с гордо поднятой головой вышел из каюты.

Зашедший после него Немцов проводил того взглядом и, усмехнувшись, закрыл дверь. Снаружи уже давно опустилась темнота, поэтому большая часть пассажиров уже спали, только те, кто ночевал в моей каюте и которых я временно выставил, терпеливо дожидались на палубе.

Улыбка Федора меня позабавила. Среди тех, кто знал о моих умениях, пошло некоторое веяние. Они гордились тем, что они знают, а другие нет. Это выражалось в хитрых улыбках и гордых взглядах, которые можно было идентифицировать как «а я что-то знаю, а вам не скажу». Именно такая улыбка и была у Немцова.

– Новенький? – спросил он, кивнув вслед Ефиму.

– Да, мало у нас жрецов. Нужно хотя бы в каждом поселении, чтобы был такой и вёл необходимые службы. Вот и подготавливаю, принимаю... Ладно, что там по службе?

– Корабли легли в дрейф. Транспортные суда лежат тесной группой, боевые патрулируют вокруг. Два корабля, «Акула» и «Ёж», сегодня их смена. Пока всё тихо, чужих нет. Пушки для отражения заряжены ядрами и кнippелями, дозорные внимательно следят за морем. Но как я уже говорил, пока всё тихо.

– Тут они атаковать не будут. Вот в проливе, уверен, нас уже ждут. Помнишь, дня три назад нас обогнала та фелюка? Посыльный это, точно.

– Да, шустро бежала по волнам.

– Именно. Ладно, завтра перед рассветом снимаемся и продолжаем движение. Меня будить, если на горизонте появится противник, остальное вы и так знаете. Курс проложен.

– Хорошо, князь.

– Ладно, зови моих, а то, наверное, уже продрогли на холодном ветру. Начало осени как-никак.

Через минуту, обнимая одну из своих девчат, я уткнулся ей в грудь и спокойно посапывал, засыпая. Девку, конечно, хотелось, но при холопах, что спали на полу каюты, этого делать не было желания. Мне хватало утра и дня, тогда я спокойно мог выпроводить пассажиров из каюты, и нам никто не мешал.

– ...сперва эти два вышли, потом те четверо из-за мыска. Правда, мои мальчишки дозорные их мачты сразу заметили, так что неожиданным их появление для нас не было, – указывал рукой Фёдор.

Подняв личную подзорную трубу, я осмотрел два довольно крупных в местном понимании корабля. После недолгого изучения я обернулся и посмотрел за корму, где виднелись паруса ещё четверых кораблей-загонщиков. Как и ожидалось, нас решили перехватить на выходе из пролива.

Это не были те боевые корабли, про которые писали историки и писатели. То есть это не были корабли с рядом пушечных портов по бортам, до таких кораблей ещё не дошло, не то время, хотя один подобный корабль я лично видел, но это ещё в Крыму было. Помните испанскую каравеллу?

Обычно местные военные корабли отличались от торговых только корпусом, более стремительными обводами да парой пушек, обычно на вертлюгах. Вот и в данный момент нас встречали именно такие военные корабли.

В отличие от них, наши боевые корабли хоть и были меньше размером, но имели больше пушек и хорошо натренированные команды, так что появление противников для меня было даже в радость. Во-первых, мне надо потренировать команды. Во-вторых, корабли мне тоже пригодятся. Запасные команды у меня были в наличии. В-третьих, наконец на кораблях будет посвободнее. Вон, несколько десятков крестьян уже получили необходимый уровень умений, тоже их переведу с семьями, будут помогать командам хоть по мелочи.

– Скорость не сбрасывать, – скомандовал я, вернувшись к наблюдению за двумя кораблями, что шли нам наперерез. – «Ёж», «Нева» и «Змейка» пусть выдвигаются вперёд и перехватят обоих данов. Корабли мне нужны неповреждённые.

– Кто будет командовать боем на месте? – спросил Немцов, давая распоряжения сигнальщикам. Один из мальчишек тут же навесил нужные флаги на сигнальный линь, ожидая дальнейших распоряжений, что именно добавить перед подъёмом.

– Игорь, капитан «Змейки». Парень молодой, знания впитывал как губка. Пусть это будет его первый боевой опыт.

– У нас на боевых кораблях все капитаны молодые, – проворчал Немцов, но отдал распоряжения насчёт флагов.

С сигнальщиками у нас вообще интересная история получилась. Они нам были остро необходимы, но... в наличии их не было. Вот и пришлось брать одного смышлёного паренька из команды, тот уже умел хорошо писать и читать, мы его в Нижнем Новгороде взяли, и повесить на его плечи формирование сигнальной службы. Пареньку семнадцать лет, но он уже старший сигнальщик эскадры и имеет под командованием больше двадцати парнишек. Набирал он их сам, как и тренировал. Свод законов кораблевождения и эскизы сигнальных флагов я ему дал, а флаги они сами шили. Потом у меня в усадьбе поставили сигнальную мачту, а вторую на другом берегу реки, рассмотреть флажки можно было только в трубу. Вот так и начались

их тренировки. Я проверял их раз в неделю и посчитал наработанный опыт вполне удовлетворительным, даже не хорошим, просто удовлетворительным. Опыт со временем наберут, будет отличным.

На каждом корабле у нас было по два сигнальщика, работали они посменно. По своду законов ВМФ Княжества и морские офицеры должны знать сигналы, но из-за лимита времени я оставил это на потом, тем более этот свод законов ещё был не готов до конца. Я параллельно писал и свод законов для торговых кораблей Княжества. Даже собирался открыть школу штурманов торгового и военного флота под моим патронажем. Но всё это мечты. Главное – дойти до Америки и закрепиться там. А капитаны нарабатывают опыт, совершая постоянные рейсы из Княжеской Америки до Новгорода.

Через пару минут, получив необходимые распоряжения, три корабля, увеличивая скорость, направились к противнику. Два других боевых корабля шли позади нашей флотилии, пристально отслеживая все телодвижения четырёх противников, что догоняли нас. «Беда» же продолжала вести флотилию за собой. Особой паники на кораблях не было заметно, они всё так же шли двумя кильватерными колоннами.

– Посмотрим, как он освоил мои уроки по морской тактике и особенностям морского боя на деревянных судах, – сказал я и, немного поднявшись по вантам, метра на два над палубой, стал отслеживать все движения группы наших боевых кораблей.

Немного мешали мальчишки-пушкарки, которые тоже висели гроздьями на вантах, им тоже было любопытно, но после моего окрика они поднялись выше и уже не так орали и трясли ванты, поддерживая своих товарищей, что сейчас шли в бой. Конечно, мне тоже хотелось поучаствовать в бою, как и мальчишкам-пушкарям, но я игнорировал их просительные взгляды. Не надо лезть везде самому, а нужно готовить тех, кто сделает это за тебя. Я более чем уверен, что Игорь, который сейчас стоял на корме и отдавал распоряжения команде и сигнальщикам, волнуется, зная, что я пристально наблюдаю за всеми его действиями, но надеюсь, он не обратит на это внимания и будет работать с холодной головой. Всё-таки мой лучший ученик. Именно его я планировал поставить командовать конвойными кораблями, которые будут водить и охранять караваны между континентами.

Та четвёрка, что шла сзади, меня не особо волновала. Шли мы не снижая скорости, а она у нас была фактически одинаковой. Не, если эти двое нас не задержат, до темноты эта четвёртка нас не догонит. Да, в принципе, уже без шансов. «Ёж» уже заставил одного из данов, на третьей мачте которого были косые паруса, уйти в сторону, освобождая путь, так что когда начался бой, флотилия без проблем проходила мимо пяти маневрирующих, окутывающихся пороховым дымом кораблей. Мы вырвались из ловушки и уходили всё дальше. Кстати, этот парусник у данов один был трёхмачтовым, остальные двухмачтовые.

Заметив умоляющие взгляды мальчишек, я сдался:

– Приказ «Лилии» – возглавить флотилию. «Волчонок» замыкающий. Курс тот же. «Беде» поворот оверштаг. К бою.

– Приготовиться к повороту... К бою! – тут же продублировал капитан «Беды» Михаил Дубов, кормчий, то есть капитан из последнего набора. Таких неопытных я старался держать при себе, давая им набраться того самого опыта. А парни, что уже получили бесценный опыт управления кораблями на море, сейчас командовали своими кораблями без моего надзора. Да что уж говорить, вся команда «Беды» – сплошные новички. На борту было всего шестеро ветеранов, в том числе я. Немцов, командир стрелков, он же старший десятник, начинал он, кстати говоря, простым стрелком со мной ещё в Крыму. Туда же входили командир артиллерии, один из старших пушкарей и боцман. Вот и все старики.

Ушкуй кренился на один борт под устойчивым ветром. Набирая скорость, мы пропускали по левому борту уходившие транспортные корабли и шли на четвёрку преследователей. Один против четверых. Посмотрим, кто кого.

Ухватившись за канат, я вскочил на фальшборт и стал пристально рассматривать надвигающиеся на нас корабли данов. Шли они сетью, раскинув её на километр, то есть между преследователями было двести пятьдесят – триста метров.

– Подсечём их! – крикнул я Дубову. – Как раз ветер устойчивый, приведёмся круто к ветру.

Моё решение было не лишено смысла. Ветер дул не только в корму моей флотилии, но и в корму данов, поэтому на пересечённых курсах ветер будет на их стороне. Конечно, на косых парусах и при мощной артиллерии это для нас мало имело значения, но команда, как я уж говорил, у меня была не особо опытная. Честно говоря, это был их первый выход на большую воду, вот я и решил обойти круто под ветер преследователей и зайти к ним со стороны кормы, чтобы они оказались между нами и флотилией. Тогда преимущество в ветре будет у нас, а это и скорость, и манёвр, можно кусать их при возможности точно и больно.

Тогда у них встанет выбор: или оставить нас за кормой и безответно пережидать наши укусы, или развернуться, плюнув на жирные в их понимании торговцы, и заняться нами.

– Смотри-ка, поняли, что мы решили сделать, – пробормотал я, наблюдая, как два дана развернулись и, не сбрасывая скорость, пошли к нам наперерез. Для нас проблема состояла в том, что ветер, бивший нам в правый борт, так накренил «Беду», что она фактически лежала на боку и часть парусов волны окунали в воду.

– Успеем, – цепляясь за леера и натянутые канаты, сказал подошедший Немцов.

– Успеем, но и даны могут открыть огонь, дистанция в точке встречи будет подходящей. Это мы из-за наклона палубы стрелять не можем, у данов с этим проблем нет, хотя они и идут галсами навстречу ветру. Меня больше волнует сохранность трофеев. Три корабля у данов – это бывшие торговцы, видишь, корпуса пузатые? Вот они нам пригодятся, вон, хотя бы скотину перевозить. Тем более корабли не сказать что маленькие, тонн по триста в каждом точно есть. Только тот мелкий, что вырвался нам наперерез, это явно военная постройка. Скоростной, создан для преследования контрабандистов, патрулирования и боя. Качает сильно, да и паруса у него часть борта скрыли, но похоже, он вооружён тремя пушками. Вот они нам тоже пригодятся. В те же крепости. Значит, так, мелкий расстреливаем, причём так, чтобы корпус остался на плаву, остальных берём на абордаж.

– На всех трёх торговцах много людей, – подзорной трубой при такой качке и наклоне было пользоваться фактически невозможно, поэтому Немцов, заслонив глаза ладонью от солнца, рассматривал преследователей просто так, без оптики. – Абордажные и перегонные команды?

– Да... Дубов, по передовому работаем книппелями и картечью! По остальным только картечью! Они мне нужны целыми! Абордажная команда, товсь! Сейчас пройдем под бортом того мелкого, нужно обстрелять его палубу! Цельтесь точнее! – приходилось кричать, чтобы переорать свист ветра в вантах и парусах, да ещё командиры подразделений вносили какофонию, отдавая приказы.

К сожалению, наперерез нам шло всего два корабля, это тот мелкий военный и один из торговцев, что привлекли к военной службе. Два других, не снижая скорость, продолжили преследование флотилии.

Кроме команды, на палубе никого не было, почти все пассажиры спустились в трюм к животным. «Беду» я планировал использовать как боевое судно, так что оно было загружено по минимуму. Всего три лошади – две кобылы и жеребец – да пару десятков крестьян из холопов. Вот другие боевые корабли загружены были больше, но надеюсь, с пассажирами у них тоже ничего не случится. Если будут трофеи, то я освобожу все боевые корабли от лишних.

– Командир! – окликнул меня сигнальщик, в вороньем гнезде наблюдавший за боем, что вели три наших боевых корабля с двойкой противника. – Один дан взят на абордаж, он сцепился парусной оснасткой с «Ежом», сейчас на палубах идёт рукопашная, плохо видно из-

за порохового дыма, кто берёт вверх. Второй уходит в сторону, его преследует «Змейка», а «Нева» идёт малым ходом к сцепившимся кораблям. У неё сбита бизань-мачта. Наши уже срубили ванты и идут на парусах фок-мачты. Бизань буксируется следом, они её не бросили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.